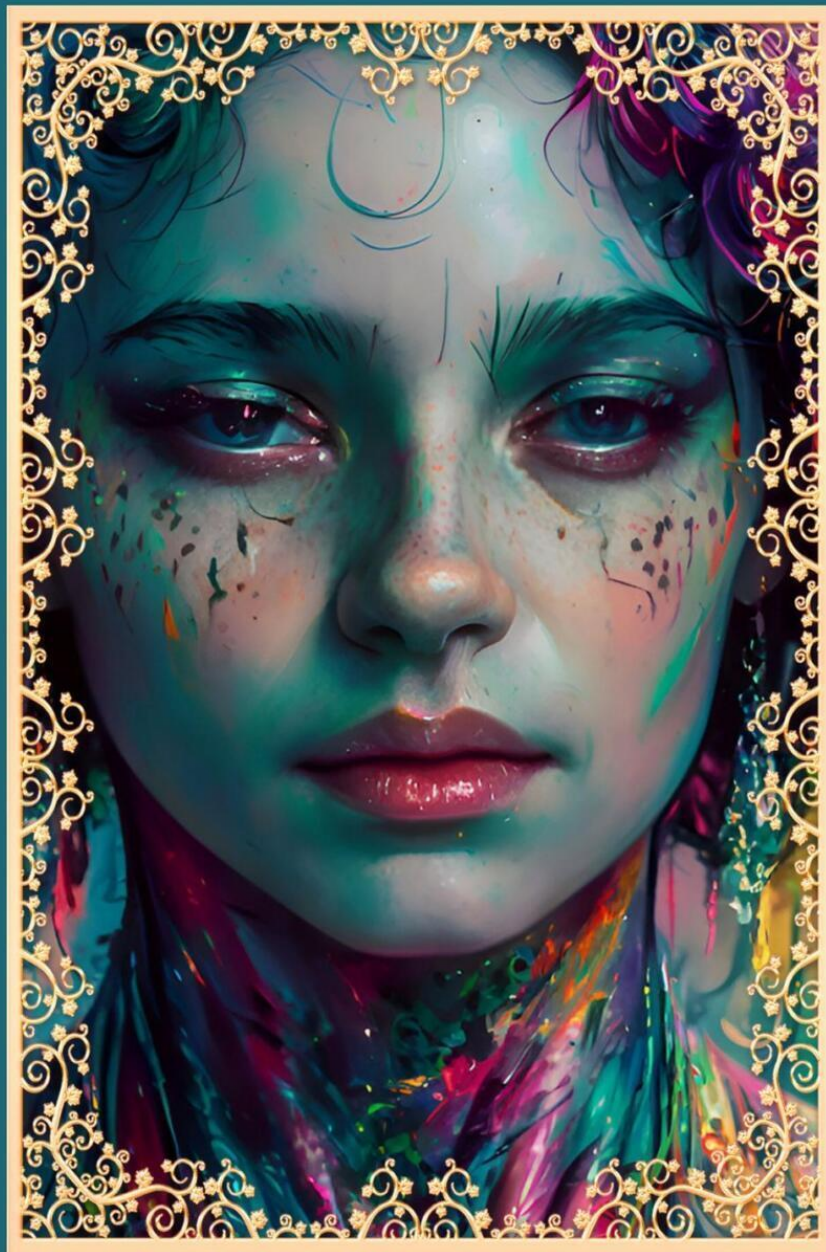

Рина Зерцалова

Зеркальный
бизнес
по паданок

Зеркала

Рина Зерцалова

Зеркальный бизнес попаданок

«Автор»

2024

Зерцалова Р.

Зеркальный бизнес попаданок / Р. Зерцалова — «Автор»,
2024 — (Зеркала)

Две попаданки обосновались в волшебном мире. Первые проблемы решены. Можно расслабиться? Нет, они всё ещё в опасности. К тому же плыть по течению им скучно. Хочется обеспечить себе самостоятельность, достойный доход и положение. Ещё неплохо бы обзавестись любимыми мужчинами -- но это как получится.

Содержание

Глава 1. Мы и карета	5
Глава 2. Родное гнездо	9
Глава 3. Геологические изыскания	15
Глава 4. Родня	25
Глава 5. Хозяйственные хлопоты	29
Глава 6. Первые дни учебы	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Рина Зерцалова

Зеркальный бизнес попаданок

Глава 1. Мы и карета

– Грёбаное средневековье!

Колесо попало в особенно колдобистую колдобину, и сиденье жестко подкинуло меня вверх. Ощущение – примерно, как получить деревянной лопатой по заду. Рессоры тут еще не изобрели.

Нельзя сказать, что наша карета плоха. Она намного, намного лучше обычной повозки. Примерно настолько же, насколько лимузин лучше кузова грузовика с деревянными лавками вдоль бортов. Мы едем в дормезе, дорожной карете графов Блуа, она предназначена для длинных поездок в условиях весьма посредственных дорог.

На скамейках здесь лежат бархатные подушки, набитые конским волосом, они смягчают мелкие толчки. Но только мелкие.

Кабина кареты посажена на длинные изогнутые деревянные балки, концы которых крепятся к раме с колесами не жестко, а подвешены на ременных петлях. Так что, если какое колесо попадет в небольшую ямку, оно провалится, но кабину не тряхнет.

Передние колеса имеют диаметр около метра, а задние – огромные, почти в человеческий рост. Это тоже способствует плавности хода. Никаких шин на колесах нет, только железные обода для прочности, а сами колеса – деревянные, с толстыми фигурными спицами.

Несмотря на все средства для смягчения хода, если попадается большая кочка или яма, трясет немилосердно.

Вот, опять, карета наехала на особенно неудачный горбик, и кабину тяжело подкинуло вверх. Вместе с пассажирами.

– Даш, давай изобретем рессоры! – простила я.

Даша, она же леди Фальма из рода Блуа, сморщила нос:

– Ты думаешь, одна такая умная? Чтобы изобрести рессоры, нужна рессорная сталь. Тут такой делать не умеют. Тут все стали неупругие, они или ломаются, или гнутся. Я узнавала уже, как только по городу поехала в своем экипаже, так и поинтересовалась. В кузницу заезжала, спрашивала. Могут сделать из дамасской стали, но обойдется это – золотом по весу.

Я представила, сколько весят рессоры, способные выдержать тяжесть дормеза вместе с пассажирами и багажом, и поняла, что их мы изобретать не будем.

* * *

Мы ехали на зимние каникулы в родовой замок графов Блуа, к родителям Фальмы.

Мы – это я, Настя, душа которой переселилась в тело джентри Тригеты Болш, и Даша, душа которой обосновалась в теле виконтессы Фальмы.

Мы, видимо, в земной жизни были очень похожи. Из-за этого, когда настоящую виконтессу Фальму убили, а ее тело освободилось, наши с Дашей души одновременно попытались вселиться на одно и то же место. Средство душ Даши и Фальмы оказалось чуть сильнее, она получила тело, а я на некоторое время стала призраком, привязанным к ее зеркалу.

Вот интересно – когда тело аристократки освободилось, сразу две души к нему рванули. А когда чуть позже убили джентри Тригету Болш, ее тело несколько минут лежало бесхозным, и никто на него не претендовал, пока я не решилась вселиться. А ведь джентри – это далеко не крестьянка или служанка. Это дворянка, хоть и мелкопоместная...

Да, наверное, до переселения душ мы с Дашей были похожи.

Но потом она соединилась с памятью виконтессы Фальмы. Теперь уже и непонятно, кто она – земная девушка в теле аристократки, или аристократка, которая помнит земную жизнь. Как глянет своим высокомерным взглядом, как скажет что-то мягко и непреклонно – ни за что не поверишь, что это не настоящая леди.

Когда я вселялась в тело, после смерти Тригеты прошло немного времени, и ее память уже начала распадаться. Поэтому во мне от этой дворянки осталось мало, только самые яркие воспоминания и основные знания. Зато ее тело сильно отличается от того, какое было у меня на Земле. А ведь от тела зависит гораздо больше, чем кажется. Тело – это целый букет гормонов и набор физических показателей, от которых зависят характер и поведение. Мой характер сильно изменился. Я стала непривычно живой, активной, смелой и даже азартной. Теперь моя земная жизнь кажется мне скучной. Хотя у этой медали есть и другая сторона – на Земле меня никто не насиловал, не убивал, и я никого не убивала. А тут – уже пришлось. И воспоминания тела от прошлой его хозяйки мне достались не самые приятные...

Как бы оно ни было, ответственно заявляю – лучше иметь тело, чем не иметь.

Еще один нюанс – теперь я ведьма. Если я осторожно шепну что-нибудь миру, он может выполнить моё желание. И мне это ужасно нравится!

* * *

Климат в этой части страны мягкий. Зимой (а сейчас – зима) снег бывает, но его мало, и он периодически тает. Ставить кареты на полозья поэтому смысла нет, едем на колесах.

Дороги за пределами города – просто хорошо накатанные грунтовки.

В низинах или через болота сделаны гати. Гать – это когда основание дороги выкладывают толстыми вязанками хвороста, крепят эти вязанки вбитыми сквозь них в землю кольями, пересыпают грунтом, а сверху кладут бревна, причем кладут их поперек дороги. А поверх бревен засыпают слой земли. Кое-где верхний слой земли раскис, колеса едут прямо по бревнам. Несмотря на ременную подвеску и большой диаметр колес кабина дормеза вибрирует, частые мелкие толчки неприятно отдаются в позвоночник.

Но в целом – лучше плохо ехать, чем хорошо идти, я считаю.

Тем более – ехать недалеко. Мы планировали добраться за день.

Поездка проходила по плану, пока...

* * *

Карета вдруг резко сбросила ход, меня качнуло вперед, жалобно заскрипело дерево. Мы встали.

Я откинула плотную шторку с окна, высунулась наружу.

– Встряли!

Вокруг кареты – обширная лужа. Передние колеса погрузились в жидкую грязь почти по ступицы. Возница еще пытается покрякивать и стегать кнутом лошадей, но даже животным уже понятно, что это бесполезно.

– Ну, значит выходим, – решила Фальма.

Нет, конечно благородные девы могли бы посидеть внутри. Тут тепло, мягкие тюфячки на сиденьях, есть маленькая печка, столик, корзина с продуктами и питьем, и даже туалет, скрытый под подушкой одного из сидений. При желании можно разложить дополнительные полки, превращая сиденья в лежаки. А пока благородные дамы будут ждать внутри, слуги как-нибудь решили бы проблему застрявшей кареты. Вычерпали бы лужу, или нарубили бы хвороста под колеса, или как-то так. Путь этот политически правильный, но долгий. А мы хотели ночевать в замке, а не в карете посреди поля.

Фальма открыла дверцу, скептически глянула на откидную лесенку, утонувшую в грязи.

– Стремя мне! – бросила охранникам.

У нас их двое. Верхом. Места здесь не опасные, но совсем без охраны за стенами города благородной даме ездить неприлично.

Один из охранников подъехал боком к двери, встал поближе, вытащил ногу из стремени. Фальма сунула туда свою ножку в мягкой туфельке. Схватилась за заднюю луку седла, там удобная ручка сделана, и перекинула вторую ногу через коня. Уселась ему на широкий круп, прикрытый попоной с графскими гербами.

– Чуть в сторону, – скомандовала.

Всадник отъехал от двери.

– Мне стремя подайте, – я тоже не стала оставаться внутри.

Ко мне подъехал второй охранник, я так же взобралась на круп его коня.

Раньше я думала, что романтические девы, когда их катают мужественные всадники, должны садиться бочком спереди. Вроде как на коленки. Теперь знаю – это никак невозможно. Спереди от всадника торчит вверх передняя лука седла (страшно подумать, куда будет давить ее узкий конец трепетной деве), а дальше – шея коня, не предназначенная для перевозки пассажиров. Трепетные девы могут покататься совместно с всадником только на крупе коня и только шагом или рысью. Это довольно удобно, если подол платья достаточно широкий, чтобы не пришлось задрать его до коленок. У нас – широкий, мы ж благородные, на ткани не экономим.

* * *

Мы сидим на лошадях чуть сбоку от лужи. В луже стоит карета.

Карета эта – настоящее произведение искусства.

Кабина со скругленным дном выкрашена синей краской. На дверце – герб. Ушастая крыса, обозначающая зайца, тыкает задними лапами в ошипанную курицу, обозначающую орла. Ломает ему крылья.

Длинные гнутые балки рамы и другие детали подвески окрашены красной краской.

На крыше кабины – полка, там приторочены баулы с вещами, дорожным снаряжением и торбы с овсом для лошадей и запасом провианта.

Перед кабиной, над передними колесами, на высоких наклонных стойках расположено место возницы – сиденье со спинкой, доска под ногами и наклонный бортик спереди. Под его скамьей – ящик для дорожного инструмента, упряжи и снаряжения.

Сзади кабины, между высокими задними колесами, – большая полка для сундуков. А над ней, на уровне крыши кабины, – место для слуг – накрытая раздвижным тентом лежанка. Рядом с ней торчит длинная палка – рукоять тормоза. Этот тормоз слуга использует по команде кучера, чтобы сбрасывать скорость на спусках. При дальних поездках на месте для слуг едет второй, сменный, кучер. Сейчас он не нужен, из-под тента выглядывает только служанка Фальмы. Не знает, спускаться ей в лужу, или сидеть на месте. Фальма отмахивается: «Сиди там».

Всё это великолепие тащит шестерка лошадей. Или НЕ тащит, как сейчас.

– Надо магичить, – решает Фальма. – Я сейчас сделаю грязь твердой...

Фальма может. Она маг земли. Делать всякие изменения с твердыми и условно твердыми веществами – это ее. Правда, она всего лишь первокурсница и знает немного. Но превращать землю в грязь и отверждать ее – это очень популярное заклинание, применяемое в боях, его учат в самом начале.

– Погоди, – поправляю я ее. – Если ты отвердишь грязь, она колеса прихватит, как цемент. И сил у тебя не хватит, столько грязи отвердить. Тут ее вон сколько.

Фальма согласно кивает. Она вообще очень здравомыслящий человек. Я вот – ведьма, а она – здравомыслящая леди.

– Я вместо отверждения грязи могу заморозить воду, – предлагаю я. – Вдвоем проще справиться. Но замораживать надо только под колесами, а не всю лужу.

– Мне надо видеть, где воздействовать. Сбоку грязь налипла, и спереди целая куча вздыбилась, мешает проехать.

– Я попробую убрать... – я стала прикидывать, как бы мне магией убрать пласты глинистой мокрой земли, прочно держащие колеса.

– Стой, не ты. Для такой работы не магия нужна, а мозги, – улыбается ехидная леди.

– И что же говорят твои мозги?

– Что у нас есть кучер. А у кучера есть лопата. Вот пусть он и выкапывает колеса. Не так уж это долго.

Оказалось – действительно недолго. Кучер с лопатой и магия – это гораздо лучше, чем одна только магия. Факт.

Слуга слез в лужу и, по колено в воде, стал деревянным заступом, окованным по краю железом, откидывать грязь. Работал шустро – холодная вода по колено хорошо мотивирует. Когда он закончил, я ему немного здоровья добавила, чтобы не заболел.

Фальма отвердила полоски грязи перед передними колесами кареты. Ее магия заставила крупинки песка и глины слипнуться, как в бетоне. Я заморозила полоски грязи перед задними колесами. Продержится недолго, но нам надолго и не надо.

Скоро мы опять ехали. Никто, кроме насквозь мокрого, грязного и замерзшего кучера, не пострадал. Впрочем, и кучер не пострадал. Я его подлечила, а Фальма позволила задержаться, чтобы переделся в сухое.

Незадолго до заката перед нами показались башни замка Блуа.

Глава 2. Родное гнездо

– Посмотри, у меня за ушами белила не размазались?

– Всё нормально.

– А волосы в побелке не испачкала?

– Всё хорошо с волосами. Успокойся.

Фальма волнуется перед встречей с родителями своего тела. Хочет выглядеть перед ними хорошо. В принципе, отца своего она уже видела, нормально общались. Но теперь кроме отца будет еще множество людей, которые знали леди с детства. В том числе – придворная ведьма и некромант.

– А маскирующий амулет работает?

– Работает.

Некроманты и ведьмы видят размер и форму ауры, по ней могут определить примерный уровень мага. При вселении души в чужое тело уровень магии меняется, увеличивается. Чтобы это увеличение замаскировать, Фальма сделала специальные амулеты, для себя и меня.

Нам очень-очень нужно, чтобы никто не заподозрил, что мы попаданки в чужих телах. Законодательство тут максимально жестко карает за убийство души, которое является единственным способом получить тело, пригодное для вселения другой души. Формально, мы не преступницы, мы никого не убивали и не соучаствовали в этих убийствах. Но...

Если факт вселения вскроется, нас заставят покинуть чужие тела. Убьют. В лучшем случае – превратят в призраки. Потому что тела нам не принадлежат, и сидеть в них нам не положено.

Я не хочу в призрака. Уже была, мне не понравилось.

Тем более, незакрепленную в этом мире душу просто утянет в ничто, я перерожусь бессмысленным младенцем и забуду себя. Получится обычная смерть, как ее понимают на Земле.

Поэтому мы с Фальмой прячемся. Поэтому я с ужасными ухищрениями добыла схему маскирующего амулета, поэтому мы их сделали и носим.

Я живила себе этот амулет под кожу, чтобы он всегда был при мне. Теперь я выгляжу, как слабенькая ведьма. А на самом деле – ведьма я очень даже сильная.

С Фальмой сложнее. В Магической Академии ее с самого начала видели с повышенным магическим уровнем. Мы тогда еще не знали, ни как попали в этот мир, ни про ауру, ни про законы. Так что в Академии Фальма теперь должна ходить без маскировки, а в родном графстве – с ней. И теперь ей придется следить, чтобы те видящие, кто знает ее по Академии, не встретили ее с активным амулетом, а те, кто знает с детства – без него. Даже в обычной жизни это непросто. А если состоится какое-нибудь многолюдное мероприятие, например, свадьба, – это конец. Это обстоятельство ставит под вопрос возможность выхода Фальмы замуж. А ее отказ от замужества вызовет множество вопросов со стороны родственников и знакомых. В общем, у Фальмы всё сложно.

* * *

Замок рода Блуа располагается на острове посреди озера. Озеро небольшое, но вполне достаточное, чтобы обеспечить замок дополнительной защитой, водой и рыбой. Когда-то все начиналось с одной башни донжона, выстроенной на острове, но за несколько веков весь остров был застроен, превратившись в нагромождение каменных громад и башен. Высокие внешние стены вырастают прямо из воды озера. С берегом замок соединяет узкая полоска насыпи, по которой проходит дорога. Эта насыпь, единственное место, по которому можно войти в крепость, защищается тремя воротами с парами круглых башен по бокам. Первая пара стоит на берегу, вторая и третья, соединенные стенами и крытыми переходами, создают коридор барбакана на въезде в крепость. Барбакан – это такое место, куда нападающие могут прорваться

через главные ворота, чтобы там массово погибнуть. Потому что в узком дворике, закрытом со всех сторон, их будут обстреливать со стен и башен. Обстреливать, лить кипяток или расплавленную смолу, поджигать и атаковать магией. В общем, убивать всеми возможными способами, невзирая на гуманность.

Колеса застучали по камням подъездной дороги, копыта прогромыхали по доскам подъемного моста, карета тяжело прокатилась по разворотному кругу внешнего двора и, качнувшись напоследок, замерла перед входом в жилой дворец.

Снаружи слышались крики слуг, распахнулась дверка, ловкие руки откинули лесенку.
– Пожалуйте, госпожа!

Мы выбрались из душной полутьмы кареты на воздух.

* * *

Двор оказался гулким каменным мешком. Мостовая из черного булыжника под ногами, серо-коричневые каменные крепостные стены и башни, песочно-желтый кирпич дворца. Зимнее солнце за день не успело прогреть весь этот камень, в углах прятались пятна инея. Воздух был сухим и прохладным, впрочем, при полном отсутствии ветра кожу лица он не охлаждал.

Слуга подал руку, помог спуститься по лесенке из кареты.

На балконе, нависающем над двором на уровне второго этажа, скопилось подозрительно много людей. Слуги и дворяне хотели увидеть приезд молодой госпожи, для них это целое событие. Потом можно будет посплетничать о том, как она была одета, хорошо ли выглядела, довольна ли была.

Вот на такой случай высокородные леди и мажут лицо побелкой – чтобы ни одна сволочь потом не могла сказать, дескать – лицом зелена была леди после долгой поездки, уж не беременна ли? Леди всегда должны быть на высоте и не давать поводов для разговоров. Хоть после дня тряски, хоть в усталости, хоть в болезни.

– Доченька! – со ступеней входа плавно спустилась дама в домашнем платье, с несколькими крупными золотыми украшениями, с вуалью на голове.

– А мы уж не ждали сегодня! – отец Фальмы был слегка навеселе.

Тут же последовали манерные полупоклоны, а затем – теплые обнимашки. Разве что целоваться не пытались, белила на лице этому не способствуют.

– Моя протеже – Тригета Болш, – махнула рукой в мою сторону Фальма.

Я поклонилась, как протокол обязывает.

– Нам следует поговорить, – мать решительно утянула Фальму во дворец, в передний зал, играющий роль гостиной.

И я направилась за ними.

* * *

Зал был темным. Окна маленькие, да и те закрыты витражами и мутными «лунными» стеклами. Полумрак разгоняют свечи, горящие в напольных канделябрах у входа и у противоположной стены. Люстра, похожая на большое колесо от телеги, тоже имеется, но на ней свечи не горят.

– Поговорим наедине, – предложила Фальме графиня, устраиваясь в углу зала в кресло.

При этом рядом с ней осталась ее фрейлина, зато на меня она кинула взгляд, намекающий, что «наедине» – это без меня.

– Не думаю, что ты скажешь что-то, чего нельзя сказать при Тригете, – неожиданно удержала меня Фальма.

Графиня подняла вуаль с лица. Она была не накрашена, в домашнем виде. Лицо – красивое, хотя уже немолодое. С виду – лет сорока, а на самом деле может меньше, а может и больше, зависит от того, насколько активно она пользуется услугами ведьм для поддержания красоты и молодости.

– До нас доносятся слухи из столицы. Дворяне сплетничают. Сама понимаешь, вокруг сватовства графа Свирского, нашего отказа и его смерти много разговоров было. Слухи всякие. И часть слухов – о том, что ты приблизила к себе девицу, потерявшую репутацию. А это ставит под вопрос уже твою репутацию. Я хотела бы услышать всю историю из первых уст.

– Пусть и отец послушает заодно, и брат. Это и их касается. Там ведь чуть до войны дело не дошло, – спокойно ответила Фальма.

– Тогда – за ужином?

Мы переглянулись. Я сморщила свой напудренный нос, намекая, что после тряски в карете ужин в меня не полезет. Фальма в отчет чуть кивнула головой и поджала губы, ей тоже тяжелой пищи не хочется.

– Ужинать мы не станем, растрясло. Вы, наверное, уже поужинали? Пусть нам фрукты и кофе принесут.

* * *

Мы перебрались в малую столовую. Длинный зал, высота сводчатых потолков – метров пять, не меньше. Высокие стрельчатые окна дают много света, правда не сейчас – на дворе уже смеркается. Стол длинный, человек на двадцать, сейчас пустой.

Пока рассаживались, к нам присоединился граф Блуа и братья Фальмы, старший, наследник графа, и младший.

Вокруг засуетились служанки, на столе появились кофейник и чашки с кофе, молочник, тарелочки, корзинка с желтыми яблоками, миски с печеньем и бисквитами, плошка с медом.

– У нас отличные сады, – улыбнулась мне Фальма, хватая крупное, размером с кулак, яблоко. – В нашем роду издавна бывали ведьмы, которые занимались выведением новых пород фруктовых деревьев и овощей. Осенью мы яблоки в корзинах перекладываем берестой и в погреб закладываем. Вот, до середины зимы лежат. А дольше не получается, еще немного – и вянуть начнут.

Виконтесса на своей тарелочке ножом с золоченой ручкой ловко разделила яблоко на четыре части, привычно удалила косточки.

– Я люблю запивать их кофе, – объяснила она, макнула дольку яблока в мед и, с довольным лицом, с хрустом откусила.

Я тоже попробовала. Кисловато-сладкая мякоть яблока брызнула в рот ароматным соком и смешалась со сладостью меда. Глоток кофе смыл смесь вкусов и подготовил язык для новой порции наслаждения. Получилось непривычно, но вкусно. Изысканно вкусно.

Пока служанки сервировали стол и удалились, Фальма успела утолить первый голод и начала рассказ. Она говорила вполне откровенно – обо мне, о скотском поведении графа Свирского, о его нападении, и о нашем ответе. Конечно, при этом Фальма полностью утаила всё, что связано с переселением душ.

– А потом той же ночью они все умерли, – закончила она, не вдаваясь в подробности. – Угорели. Свеча в коробку с опиумом упала, и угорели.

Отец нахмурился под конец рассказа, затем хмыкнул:

– Какое удивительно счастливое невезение. Действительно ведь могло до войны дойти. Спаси нас Судьба, от таких идиотов...

– А как это получилось? Что свеча упала? – наивно поинтересовался младший брат Фальмы.

– Это не мой секрет, – она перевела стрелки на меня.

А я пожалала плечами и смолчала. Ни к чему всем знать технические детали. Сделала – и ладно. Семейство Блуа отнеслось к моей скрытности с пониманием.

– Это всё хорошо. Вы поступили наилучшим образом, молодцы, – заговорила графиня. – Спасли нас всех от большой беды. Но это не снимает вопроса о репутации. Может, девочке мужа из дворян подыскать?

– Мы это уже обсуждали. Она не хочет мужа. Она хочет закончить Академию, – вместо меня ответила Фальма. – Тригета – ведьма, ей незамужней быть незачем.

– Ну, так тоже можно... Но она в твоей свите...

– Иногда, госпожа, очень удобно быть человеком без репутации. Это позволяет оставаться по-настоящему свободным в своих поступках, – заговорила я. – Особенно если при этом удастся стать богатой и независимой.

– Ты намерена стать богатой? – удивилась графиня.

– Да, у нас есть некоторые мысли по этому поводу.

– Мы не купцы, чтобы мерить все деньгами, – погрозил в мою сторону пальцем граф. – Богатство – ничто, если за ним не стоит сила и власть. Если любой рыцарь со слугами вломится к тебе в дом и скажет: «Я хочу твои деньги, твой дом и твое тело» – что ты ему ответишь? «Я богата?»

Я улыбнулась:

– Я скажу ему, что он сдохнет в муках. Хотя, конечно, над властью и силой нам тоже надо будет поработать.

– Нам?

– Я, папенька, тоже хочу принять участие в этом деле, – подтвердила Фальма.

* * *

– Рассказывай, куда ты там собралась втянуть наш род? – граф хитро прищурился, глядя на дочь.

После ее внезапного сближения с сыном графа Хорна (и завершения многолетней войны между графствами) он был готов относиться к мыслям Фальмы с полной серьезностью.

– В том-то и дело, что я хочу участвовать в деле лично, а не передавать его роду, – удивила виконтесса семью.

В первый миг мужчины насупились. По их лицам легко можно было прочесть мысли: «Как, девица – будет вести дела?», «Лично себе, а не во благо рода?».

Первое напряжение снял спокойный голос матери:

– В том, что ты хочешь вести дело лично – есть смысл. Так или иначе, ты выйдешь замуж и скоро уйдешь из рода. Разумно, что твое дело уйдет вместе с тобой в новую семью.

Графиня помолчала немного, давая мужчинам привыкнуть к мысли, что Фальме уже пора заботиться не о благе их рода, а о благе ее будущей собственной семьи.

– Но как ты будешь вести дела? С девушкой никто не станет разговаривать о деньгах. Тебе нужен опекун.

– Или управляющий.

– Управляющий может вести текущие дела, но не сможет защитить тебя и твое дело от нападения любого аристократа. Если ты хочешь вести дела самостоятельно, тебе надо уметь защитить себя.

Я осмелилась вмешаться:

– У нас есть на примете управляющий, который сможет обеспечить безопасность.

– Раб? – удивилась графиня.

– Нет, не раб. Мы хотим привлечь в дело одного опытного мага.

– Но как вы сможете ему доверять, если он не ваш раб? – удивился граф. – Не станет ли он в результате хозяином вашего дела?

Я сначала хотела сказать, что он не такой, что не станет обманывать, но... задумалась. Со временем люди меняются, и как правило – не в лучшую сторону. Вот, скажем, я слышала от своих земных родителей, что после смерти тетки ее дети перегрызлись из-за наследства. А ведь до того любили друг друга, такие все сладкие и внимательные были на праздничных застольях... Или вот отец рассказывал, на его заводе разборки между учредителями были.

Двадцать лет вместе работали, а потом один попытался вывести активы, второй – выкинуть его из состава акционеров, администрацию завода штурмом брали...

Так что я пожалала плечами:

– Он человек порядочный. Без нас организовать дело не сможет, так что в самом начале не обманет. А чтобы в будущем не обманул... надо будет думать, как себя обезопасить.

– Да что тут думать! – махнула рукой Фальма. – Я возьму на себя общение с благородными заказчиками, а Тригета будет держать в своей голове все рецепты (слово «технологии» в местном языке еще не появилось). А магистр пусть управляющим числится и безопасность обеспечивает. Вот такие будут у нас основания для крепкой и продолжительной дружбы.

Семейство Блуа пожало плечами, покачало головами, но спорить не стали.

* * *

– Но ведь для начала дела нужны деньги? – граф заговорил по-деловому.

В бизнесе он разбирался хорошо. Не зря же род Блуа участвует в «Колониальной торговой монополии» и гоняет корабли за чаем, специями и опиумом.

– Не столько деньги... – Фальма немного растерялась. Мы думали об этом разговоре, но не ждали, что он произойдет вот так вот, сразу после приезда. – Нам нужен хороший песок и известняк.

Родные удивились. Брови на лоб приподнялись. Что интересного можно сделать с песком и известняком? Не раствор же строительный?

«А вот, кстати, из чего фарфор делают? – задумалась я. – Может, если покопаться в подсознании у себя и Даши, удастся найти там описание и этой технологии?»

– Я хочу, чтобы вы в счет моего приданого выделили мне участки земли, на которых будет располагаться чистый кварцевый песок или жила белого кварца. И известняковую скалу какую-нибудь.

– Погоди. Что значит в счет приданого? – возмутилась мать. – Ты же собираешься выходить за виконта Хорна? Вот, через полгода мы и передадим вам эти участки. Если они вообще у нас имеются.

Фальма глазки опустила, засмушалась:

– Мама, я еще не уверена, что хочу замуж. Я думаю, надо закончить полное образование в Академии...

– Как?! – возмутился отец, на стуле подпрыгнул даже.

– Доченька? – засомневалась в ее здравомыслии мать.

Фальма, потербила край скатерти:

– Ну, вот так. Зачем мне замуж, если мне интереснее без этого?

Родители долго возмущались. Говорили, что Фальма сама не понимает, что делает. Что жизнь себе портит. Говорили, говорили... Потом устали.

– Ну допустим, – вздохнул граф. – Допустим, ты не хочешь замуж, хотя сама же говорила – Хорн хороший парень, и положение у него подходящее. Допустим. Но как мы тогда будем скреплять мир между нашими родами?

– Пусть сестра за него идет.

– Лиске еще два года в девках сидеть, мала она еще замуж.

– Свадьбу сейчас сыграем, а закрепят брак через два года. Делов-то.

– А вдруг Лиска не захочет? – засомневалась мать. – Я ее неволить не стану.

– Так давайте позовем и спросим.

Младшая сестра прибежала запыхавшись. На вид ей было лет четырнадцать – тот возраст, когда уже не девочка, а девушка, но еще и не женщина – подросток голенастый и угловатый.

Спросили, хочет ли она стать женой виконта Хорна, будущего графа. Фальма объяснила, что виконт молод, здоров, хорош собой, характер у него ровный и ума достаточно.

У девчонки глаза сразу вспыхнули, лицо порозовело, и улыбка во все щеки расплзлась. Хочет она стать графиней, очень хочет.

– Теперь осталось жениха уговорить... – вздохнул граф. – Вина принесите! – приказал слугам. – Надо такие новости запить.

Глава 3. Геологические изыскания

Утро началось с хриплого «ку-ка-ре-ку», приглушенного закрытой ставней.

В спальне – полумрак. Тихо.

Где-то зашевелились люди – по коридорам эхо разносит неясный гомон, стуки и звук шагов. Кухонные слуги, наверное. Растапливают печи, греют воду, готовят завтрак для господ.

Вчера мы очень устали, легли спать рано, почти сразу после заката. Зимняя ночь длинная, я выспалась до отвращения.

Надо вставать. В комнатке прислуги спит девушка, которую мне выделили. Дергаю за веревочку, у нее звякает колокольчик. В каморке скрипит кровать, несколько минут служанка копошится, потом выходит ко мне. Заспанная. Из-под платка выбились встрепанные волосы.

– Умываться подай, – отдаю команду.

Она изображает бодрость и энтузиазм, кланяется мне и быстрым шагом выбегает за дверь. За дверью ее резвые шаги сменяются на медленное шарканье.

Не проходит и получаса, как служанка возвращается с тазиком для умывания. Пока она бродила, я успела посетить туалетную комнатку с довольно удобным стулом, с ночной вазой под сиденьем. На Земле такие для маленьких детей до сих пор используют, а это – такой же, только для взрослых. Дальше – умывание чуть теплой водой. К воде прилагается брусок коричневого мыла, но я его по утрам не использую – слишком сушит кожу.

Одевание.

Служанка помогает сменить нижнюю рубашку с ночной на дневную, более короткую, натянуть чулки с завязками над коленом. Чтобы чулки лучше облегли ноги, при их кройке ткань располагают по диагонали, так она лучше тянется. Помнится, когда на Земле появились развратные «голые» платья, без нижних юбок, мягко облегающие фигуру, их длинные подола тоже кроили по диагонали, в этом и был секрет их облегания.

На ноги – войлочные тапочки, чтобы ноги на каменном полу не мерзли. В спальне еще ничего, а в коридорах дворца – холодно.

На тело надеть нижнее платье, поверх него – теплое верхнее платье. Верхнее платье из плотной шерстяной ткани, зима же. Но до пальто ему далеко. Если надо будет выходить на улицу – сверху еще мантию надо накидывать. Застежки у платьев на спине, служанка застегивает их ловкими пальцами. Хорошо, что тут не изобрели всяких извращений вроде корсетов, пышных нижних юбок и жестких каркасов под юбку типа корзины из прутьев или китового уса. Впрочем, может, у них всё впереди, изобретут еще. Красота – она такая, реально требует жертв.

Теперь служанка усаживает меня на высокий стул, очередь причесывания. Это небыстрая процедура. Волосы-то длинные, почти до колен. После расчесывания – плетение и укладывание кос.

Наконец – покрывало на голову, с вуалькой. Это нужно для приличия, чтобы лицо не пудрить. Раз есть вуалька – значит я вроде как в неофициальном виде, не накрашенная, и от этого ущерба моему статусу нет. А не было бы ее – пришлось бы пудриться. И никого не волнует, что мне шестнадцать лет, я ведьма, а значит – кожа у меня от природы здоровая, мне эта пудра совершенно не нужна. Тут строго: дворянка – изволь пудриться. Была бы аристократкой – пришлось бы жидкими свинцовыми белилами лицо мазать. Иначе не поймут. А непонимание статуса – это не шутка. Примут за служанку, по заду хлопнут, в качестве комплимента, а для благородной – это оскорбление действием, за это мужчину и повесить могут, если не ту девицу или даму хлопнул...

– Завтрак еще не готов, – смущается служанка. – Обычно господа позже встают.

– Ничего, я прогуляюсь пока.

Я хочу исследовать замок. Служанка остается – у нее свои дела есть. Застелить постель, вынести воду, почистить и зажечь камин, самой умыться и причесаться нормально...

Прохожу, не задерживаясь, через свою гостиную и иду гулять по замку. Мне любопытно.
* * *

Мне выделили покои в гостевом крыле дворца. Тут скромно – покои небольшие, коридоры не украшены. Интересно было бы пройтись по господской половине, но – не сейчас. Мало ли что подумают, если встретят гостью, которая ранним утром в одиночестве бродит около спален хозяев замка. Поэтому я иду вниз, туда где помещения для общего пользования. Малая столовая, передний зал, общая трапезная, зал приемов.

Спускаюсь по боковой лестнице на первый этаж. Мой нос чувствует запахи готовящейся пищи. Желудок тихонько урчит. Напоминает, что ужин был весьма скромным и давно.

Иду на запах и на шум голосов.

Кухня. Печи горят. Пахнет шкварками. На большом столе крепкий мужик в фартуке мнет тесто для утренней выпечки. Или утренняя уже в печи, а это уже хлеб к обеду? На большой сковородке жарится омлет, на другой разогреваются колбаски.

Слуги заняты. Те, кто ниже рангом, бросают на меня взгляд и отворачиваются. Кто я, почему я тут – это не их дело. Толстая тетка в белом фартуке до пола окидывает меня подозрительным взглядом. Выгнать меня она не может, я ж благородная. Но и терпеть какую-то непонятную девицу на своей кухне ей неприятно.

– Я быстро чего-нибудь перекусить возьму и уйду, – ставлю ее в известность.

– Служанку бы прислали. Она бы в покои принесла, – недовольно говорит кухарка.

– А что у вас есть? – я ненавязчиво подхожу к столу, там корзинка с яйцами. Беру яйцо покрупнее.

Руки сами привычно достают из ножен кинжал, его острым кончиком пробиваю скорлупу с одной стороны, палец зажимает дырочку, чтобы не вытекало. Переворачиваю. Дырочку побольше расковыриваю с другого конца. Вот интересно – лица родителей Тригеты я едва помню, а вот как дырку в скорлупе проковырять – руки знают. Присосалась губами к широкой дырочке, палец приподняла, чтобы дать доступ воздуху, несколько глотков, и во рту – сначала безвкусный белок, потом сладковатый желток. В руке осталась пустая скорлупа. Тригета с детства любила высасывать так свежие куриные яйца. И я теперь люблю.

– Есть колбасы трех видов: кровяная; из сала; мясная, – рассказывает кухарка. – Творог свежий. Мед. Пироги с печенью и с яблоками. Чай, кофе, ягодный взвар. Омлет. Каша жидкая на молоке.

Я высасываю еще одно яйцо, хватаю горячий пирог с печенью, благодарю и ухожу.

* * *

Прошлась по залам первого этажа. В общем, ничего интересного. Потолки высокие. Каких-то пышных украшений или фресок нет. Просто штукатурка и побелка, на стенах – цветная, на сводах – белая или небесно-голубая. Вот мебель красивая, это да. Некоторые предметы инкрустированы костью или экзотическими сортами дерева. Сделано всё очень стильно и аккуратно. Гнутые ножки и подлокотники, яркие краски, позолота, лакированные поверхности, резьба, бархатные подушки на сиденьях. Мебель – роскошная.

Через боковой выход я выбралась из здания наружу. Хотелось осмотреться вокруг.

Со двора по лестнице поднялась на крепостную стену. С внутренней стороны стена невысокая, метра два, а вот с внешней – очень даже. Навскидку – с высоту пятого этажа.

Внизу под стеной лениво плещутся темные волны озера. Вокруг замка до горизонта – равнина. Деревенька стоит. Дорога. Пустые поля. Пастбища с потемневшей травой. Иней на траве. Лес недалеко. В озеро, на котором стоит замок, впадает речушка. Впадает, а с другого конца выпадает. Вода в озере проточная, чистая. Может, летом она ряской зарастает, но сейчас

– чистая, почти черная поверхность с небольшой рябью. Около берега намерз тонкий лед. В воде отражаются серые облака.

По углам крепостной стены стоят массивные круглые башни. Сама стена не толстая, с полметра, но вдоль ее гребня с внутренней стороны сделана галерея, длинный балкон, по которому можно пройти от башни к башне. На стене между большими башнями торчат две маленькие башенки, посаженные прямо сверху на гребень. Я подошла к ближайшей, заглянула в дверной проем. Круглая площадка, где пометится пара человек, пол в ней наклонный, а в нем – бойницы, направленные вниз, к подножию стены.

Я обхватила себя руками. В платьях, без мантии, холодновато, а наверху еще и ветер.

– Госпожа? – от башни подошел какой-то дворянин. – Вам помочь?

С виду – воин. Плечи широкие. На поясе – шпага и кинжал. Лицо такое, серьезное. Как будто он уже с утра пару врагов зарубил и теперь следующего ищет, кого надо бы зарубить.

– Я хотела посмотреть на окрестности, – честно призналась я. – Любопытно.

– Да тут и смотреть нечего, – пожал он плечами.

Смотреть действительно нечего, тут он прав. Равнина, пологие холмы, деревенька, речка, озеро. Унылый зимний пейзаж. Было бы лето, хоть коров на выпас выгнали бы, а так и их нет.

– Вот я и хотела убедиться, что смотреть нечего. Пойду я в покои. Греться. Мне там завтрак обещали.

В моей гостиной служанка уже разожгла камин, воздух немного прогрелся. Я перечислила ей, что хочу на завтрак, девушка ушла на кухню и скоро вернулась с подносом.

* * *

Не успела я поесть, ко мне пришла сонная Фальма.

– Какие планы? – интересуюсь я.

– Обычное времяпровождение – подождать, пока все позавтракают, потом засесть в чьей-нибудь гостиной, моей или матери, и там вышивать и болтать обо всякой всячине.

– Я не особо вышивать умею. И болтать не особо хочу.

– А придется. Все жаждут услышать что-то новое. В первую очередь от меня будут рассказов требовать, но потом переключатся на тебя – ты новый человек, что-то свежее можешь поведать.

– Ужас. А может, у вас тут есть библиотека, и там можно книгу по магии какую-нибудь взять, почитать?

– Есть. Можно. Но сегодня-завтра придется удовлетворять любопытство дам и сплетничать за вышиванием.

– А как же с подбором участков с сырьем?

Фальма пожала плечами:

– Можно прямо сегодня поспрашивать. Давай начнем с управляющего землями, он, наверное, знает, что у нас где имеется.

Виконтесса приказала служанке найти управляющего и позвать его, только предупредить, что дело неспешное, чтобы он спокойно завтракал и занимался утренними делами, а как освободится – шел к нам.

* * *

До прихода управляющего Фальма успела объяснить мне, как тут у них всё устроено.

На территории графства расположены четыре баронства. Но земли баронств графу не подчиняются, бароны в своих феодах полновластные хозяева. Они даже налогов графу не платят, чуть ли не единственная их обязанность – присылать во время войны свои отряды в общее войско. Конечно, кое-какие доходы граф получает и с тех земель, через таможенные пошлины, платежи с городов, принадлежащие графскому роду предприятия, торговлю. Но главный доход семьи – с земель собственного домена рода Блуа. Домен этот по размерам примерно сопоставим с баронством. Конечно, семья графа сама не имеет дела с арендаторами и старостами дере-

вень. Этими делами, включая сбор арендной платы и оброка, общественные работы, заготовку зернового резерва, графские сады и стада, занимается управляющий.

Управляющий оказался немолодым дворянином с объемным животом и седой бородкой. Впрочем, ширина плеч, мускулистая шея, крепкие пальцы и шрам на лице намекали, что в молодости этот дворянин немало повоевал.

– Чем я могу быть полезен, молодая госпожа? – добрая улыбка мужчины плохо сочеталась с рваным шрамом от кинжала или копья на его скуле.

Фальма объяснила. Нам нужен известняк. Есть ли в графстве его месторождение?

– Есть, как не быть. Выше по течению реки на берегу были скальные выходы, как раз известняковые. Оттуда на больших лодках его возили на строительство замковых стен и башен.

– А как такие гладкие стены сделали? – еще когда я утром выходила на стену меня удивило качество строительства.

– Так обычно, как. Ставится опалубка из досок, мастера выкладывают поплотнее ряд крупных камней, промежутки заполняют мелочью, а потом всё это заливается раствором извести. Застывает – опалубку выше переносят и следующий слой делают так же.

Я удивилась. Практически по технологии монолитного бетона строят, кто бы мог подумать. Кстати, цемент тут тоже известен, просто известь дешевле и удобнее, а прочности и у нее достаточно.

– Значит, выше по течению, есть известняк... – вернулась к нашей проблеме Фальма.

– Есть. Правда, большую часть скалы на каменоломне уже срезали, но кое-что осталось. Вам много известняка надо?

Мы переглянулись. Мы рецепт и примерную технологию производства стекла выяснили, а о количестве как-то и не задумались пока.

Я стала прикидывать. Сколько весит большое зеркало из толстого стекла? Ну, пусть килограммов десять. Сколько их мы сможем продать, если учитывать, что они стоят по пару тысяч золотых за штуку? Пусть мы даже скинем цену вдвое по сравнению с дуронскими мастерами. Несколько десятков? Сотню? Пусть сотню. Это тонна веса. В составе стекла четверть – это известняк и сода, которая тоже из известняка делается. С учетом потерь, тонны камня нам на год хватит, получается. Я перевела в местные меры и озвучила результат подсчетов.

– Так это всего одна кадь, может две, – удивился управляющий. – Ради такого зачем держать собственную каменоломню? Проще купить камня. Вам еще и под нужный размер и форму расколют, напилят и обточат.

Мы почесали затылки.

– Какие-то мы несообразительные оказались. Может, нам и песок покупать? – предложила я.

– Погоди! – подняла палец Фальма. – Все крупные производители стекла расположены там, где есть качественный песок или кварц. Так?

– Ну, да.

– Может, мы начнем оконное стекло делать, по цене на порядок ниже. А в нем потребность будет в сотни раз больше. Или посуду. Посуда тоже дорогая и спрос на нее большой.

Я согласилась. Перспективы у нашего производства немалые. Есть куда расширяться.

– А главное – нам же все равно нужна своя земля, чтобы там производство расположить. Вот и пусть эта земля будет там, где есть песок. Желательно – подальше от чужих глаз.

– Но поближе к дорогам.

Мы обсудили с Фальмой, и решили – известняк действительно проще покупать. Не такой уж это редкий материал, тем более – около каждого города есть каменоломня, потому что известь везде применяется. Без камня в строительстве обойтись можно, кирпич использовать, а вот без извести – нет.

Чтобы нам было удобно возить – неплохо бы устроиться на берегу какой-нибудь реки. Но это не принципиально, если не получится – будем телегами по дорогам доставлять.

Для нас важнее всего чистота кварца. Чтобы наши зеркала не получились зеленоватыми или коричневыми из-за примесей. И вот месторождение чистого кварца или кварцевого песка мы обязательно должны взять в собственность. Иначе, когда мы станем бесстыдно богатыми, у владельца земли может возникнуть соблазн нас шантажировать отлучением от хорошего сырья. Оно нам надо?

Сложнее всего было объяснить управляющему, что такое кварц, и чем он отличается от других камней.

* * *

Управляющий дал нам наводки на несколько мест, где он видел камни или песок, похожие на то, что надо нам. Но в первый день мы никуда не поехали. Из вежливости посидели в гостиной графини, вышивали там в кругу благородных дам и девиц, сплетнями обменивались. Всех интересовало, как там жизнь в Магической академии, кто из благородных красив, кто силен, кто как себя ведет, в том числе – кто с кем спит.

– А у виконта Хорна есть любовница? – скромно интересуется своим потенциальным женихом сестра Фальмы.

Тут понятия о приватности совершенно отсутствуют. Мне бы в голову не пришло при посторонних спросить, есть ли любовница у моего жениха, а тут – вот так вот. Чего скрывать? Все ж свои.

Мы задумались. Вот как-то даже не обратили внимания на эту сторону жизни виконта Хорна. Казалось бы, Фальму этот факт должен был интересовать, она же первая в невесты к нему собиралась. А ее больше интересовали мирные переговоры между родами.

– Я думаю, кто-то есть, в его свите я видела пару девушек-джентри, – Фальма после паузы ответила. – Но на людях он ведет себя скромно, а в спальне я ему свечку не держала. Разговоров о его распутстве мы тоже не слышали.

Разговор перескочил на другую тему.

Вот так мы и просидели за пьльцами весь день. Общались.

Между делом Фальма сходила, договорилась с капитаном замка о лошадях и сопровождении для наших поездок по графству.

* * *

Первый выезд состоялся на следующий день, после обеда.

Я поднялась к себе в покои. Служанки там не оказалось – то ли белье пошла относить прачкам, то ли к любовнику упрыгала, пока есть свободное время.

Я вышла в коридор, цапнула за рукав первую попавшуюся прислугу и приказала срочно найти мою горничную.

Села ее ждать. Мне же переодеться надо, как без нее? Теоретически, снять платье я могу и сама, не настолько это сложно, чтобы умереть, запутавшись в подоле. Но застежки платьев на спине. Да и вообще, со служанкой – это удобно и правильно.

Застежки на спине – потому что благородных всегда раздевают и одевают служанки. Им удобнее со спины, к тому же пуговицы и крючки не портят красоту спереди. У мужчин на кафтане, чтобы одежда сидела ровно и красиво, приходится нашивать множество маленьких пуговичек, обшивать их тканью под цвет одежды. Пока мужчина застегнет их все – устанешь ждать. Женщинам проще. На спине обычно крючочки, ты стоишь, служанка их застегивает.

Кстати вот, когда я только попала сюда, думала, тут все эти крючочки и застежки ужасно крупные и грубые. Думала я это, пока в первый раз не увидела своими глазами кольчугу. Каждое кольцо кольчуги имеет диаметр меньше сантиметра, а толщина проволоки, из которой его сделали, – миллиметр или около того. Но это еще не все. Каждое такое кольцо замкнуто, и концы его или сварены кузнецом, или... или в них сделана крошечная дырочка, в которую

вставлена крошечная заклёпочка. А сколько таких колечек, дырочек и заклёпочек в одной кольчуге? Десятки тысяч? В одной. А сколько кольчуг в дружине одного барона? Кузнецам, которые умеют делать вот такое, сделать из проволоки маленькие аккуратненькие крючочки для женского платья – вообще не проблема. Хотя, конечно, денег они стоят.

– Госпожа? – наконец появляется служанка.

– Переодень меня в верховое.

Я встаю, служанка начинает с меня снимать платье. Без нее я бы не смогла ни раздеться, ни одеться, да. И это еще неплохой вариант. Потому что на Земле, в период, когда в моду вошли широкие панье и кринолины, для одевания дамы требовалась целая бригада служанок. И немаленькая комната. Госпожа стояла в нижнем платье, с корзиной из китового уса, надетой на талию (корзина эта – диаметром почти в два метра). А две служанки в четыре руки с помощью длинных деревянных палок расправляли над ней верхние юбки и опускали их, чтобы они ровно легли на кринолин. Не только юбки, там еще и других деталей одежды хватало, но с юбками сложнее всего, они ж двухметровые в диаметре. А потом можно было невзначай всей этой красотой случайно свечку на пол сбить и сгореть. Тупо сгореть заживо в собственной одежде. Так что местный вариант – еще ничего. Всего одна служанка, никаких корзин под юбкой. Разве что трусов для полного счастья не хватает...

Служанка стащила с меня платье, оставила в чулках и нижней рубашке. Дальше – одевание.

Тут «женских» седел, в которые садятся бочком, закидывая коленку на специальный крюк, по какой-то причине не изобрели. Соответственно, женский верховой костюм – это не платье-амазонка, а штаны и блуза.

– Госпожа, вы рубаху вверх приподнимите...

По случаю холодного времени года служанка сначала натягивает на меня исподнее, почти такое же, как мужчины зимой под чулки надевают. Штанишки из тонкой шерсти чуть ниже колен. Голени у меня чулками прикрыты, а выше – исподнее будет греть. Потом – нижняя блуза. Потом собственно штаны. Штаны из толстой шерстяной ткани, невзрачно-коричневые, грубые, широкие. Дальше – очередь обуви. Для верховой езды носят не мягкие туфли, больше похожие на тапочки, и не ботинки вроде мокасинов, а сапоги. А под сапоги служанка накручивает мне на ноги портянки из мягкой ткани. Я сижу на кровати, придерживаю штанины, чтобы те ей не мешали. В портянках тепло и удобно. Сапоги-то без утеплителя, просто один слой кожи, зимой в таких было бы холодно, а если по лужам бродить – то вообще плохо. А так – и тепло, и ногу не натрешь.

Поверх штанов надевается женская верховая юбка – короткая, до колен, широкая. Чтобы не смущать окружающих теми местами, где сходятся ноги. Я так думаю, это не из-за особой стыдливости женщин, в банях тут нередко женщины и мужчины вместе моются. Я думаю, это чтобы не оказаться в неудобном положении, если «те дни» наступят. Хотя в «те дни» лучше дома сидеть, и уж точно не на лошадях ездить, но мало ли.

Наконец, надеваю верхнюю блузу, скорее даже куртку. Широкий шарф на моей голове служанка сворачивает в тюрбан, оставляя концы свободными, чтобы можно было шею и лицо закрыть. Теперь – теплая мантия похожая на мексиканское пончо.

Всё, я готова. Выхожу.

Меня уже ждут.

К нам с Фальмой приставили одного проводника-джентри, и пару солдат, в кирасах, с оружием. Предполагается, что мы будем ездить в безопасных местах, двух бойцов достаточно.

Тело помнит, как управляться с лошастью. Я легко вскакиваю в седло спокойного мерина. Мы выезжаем из крепости и бодрой рысью едем по обочине разбитой грунтовки.

* * *

Домен графа Блуа раскинулся примерно на день пешего пути от замка. Вообще, день пути – мера весьма относительная, потому что по лесу это один километраж, а по дороге – совсем другой. Но в среднем это, по нашим меркам, километров двадцать. Я так думаю, шагами не мерила. И никто не мерил. Потому что никого не интересует, сколько в дне пути шагов.

Казалось бы, десяток километров галопом – это десять-пятнадцать минут скачки. Ан нет. Нормальная лошадь столько галопом не проскачет. Еще у меня есть большие сомнения, что женщинам полезно долго скакать галопом. По физиологическим причинам. Поэтому мы передвигаемся рысью. Там, где дорога особенно раскисла, переходим на шаг, чтобы коняшки не поскользнулись. На путь до предполагаемого месторождения кварца уходит около часа.

– Вот эта скала! – радуется проводник, указывает рукой вперед.

Перед нами глинистый обрыв, из него торчат белесые камни. Камни слегка поблескивают.

Мы спешиваемся.

– Ну что, это он? – интересуется Фальма.

А откуда я знаю, он это, или просто что-то похожее?

Я смотрю на Фальму. Фальма смотрит на меня. Сопровождающие смотрят на нас.

Надо что-то решать.

Отковыриваю кусочек камня. Что-то мне в нем не нравится. Какой-то он неправильный. Это у меня ведьминская интуиция работает. А может, просто не выпалась.

Не, точно что-то не то. Прошу у солдата кинжал, мизерикорд с острым игольчатым клинком, цельнокованный со стальной рукоятью. Ковыряю камень острым кончиком.

– Упс! – камень раскололся.

«А если так?» – бью по нему тяжеленькой рукоятью. Камень раскалывается, но не просто, а на плоские пластины. Почти прозрачные. Что это мне напоминает?

– Это ж слюда! – первой сообразила Фальма.

– Угу. Значит, не оно. Едем дальше.

* * *

Места, где нам показали залежи песка, мне не понравились. Где-то песок сильно засорен глиной непонятного химического состава, где-то он имеет явно рыжий цвет, а значит – в нем куча примесей. С песком нам не повезло, в общем.

Во второй день поисков приехали к гряде, из которой выпучивались крупные желтоватые камни. Некоторые из земли торчали, некоторые рядом лежали свободно.

– Вот. Это кварц, – поняла я.

Фальма обрадовалась.

– Но он какой-то рыжий. В нем много примесей железа. Стекло получится темное.

Фальма загрустила.

– Проедемся вдоль гряды? – предложила я.

Гряда эта с камнями проходила прямо по холмам и полям длинной прямой складкой.

Едем, а мне что-то из подсознания покоя не дает. Прямо как чешется внутри головы.

– Так, стой, я буду медитировать, – останавливаю я наш маленький отряд. – Заодно и перекусим.

Расстелили покрывала на ближайших глыбах, я села, ввела себя в состояние транса. Покопалась в подсознании. Разобралась, что меня смущало. Восстановила информацию, которая случайно попала ко мне в подсознание на Земле. Вышла из медитации.

– Я поняла. В этом кварце с некоторой вероятностью может быть золото.

– Да?!

– Прыгать и кричать «Мы богаты!» не торопись. Золота в нем мало. Может, десяток граммов на тонну породы. Может, сотня. Может, вообще нет.

– Тут разве умеют извлекать золото из камней?

– Не поверишь, умеют, и уже давно. Но мы этого делать не будем. Такие разработки – дело ужасно трудоемкое, обычно их ведут с использованием рабского труда. Быстрого богатства они нам не принесут, да мы и не осилим такой масштаб.

Фальма загрустила.

– Но! – я подняла палец вверх. – В таких жилах есть вероятность найти крупные скопления самородков. Вот их мы сейчас и пойдем искать. А моя магия нам поможет. И твоя – тоже.

– Да!! – у Фальмы улыбка до ушей.

В первый раз ее такой вижу. Так-то она леди до мозга костей, но слово «золото» и у нее пробудило азарт.

* * *

Мы едем вдоль гряды. Чтобы лошади не поломали ноги, глыбы камней оставляем чуть в стороне. Долго едем. Может, километр. Кварцевая жила истончается и... исчезает. Уходит под землю.

– Тут ничего интересного. Поехали в обратную сторону.

Возвращаемся, едем вдоль жилы в другой ее конец. Сотня метров, километр. Впереди что-то новое. Горка какая-то каменная. И наша кварцевая жила прямо через нее идет.

– Ага! – теперь и я почувствовала азарт.

Спешились. Я побродила вокруг места, где кварц переходит из глины в камень.

– Что магия земли говорит? – интересуюсь у Фальмы.

– Какая-то неоднородность на глубине в несколько метров.

– Надо копать! – решаю я.

Наши провожатые переглядываются, видно, что в их головах мысли вроде: «Вот сумасшедшая девка!».

– Где?

– Здесь! – ткнула рукой себе под ноги.

– Глубоко?

– Глубоко. Может, несколько метров. Но не широко, только чтобы пролезть можно.

Джентри-провожатый чертыхается. Оставляет нас с солдатами, сам едет в ближайшую деревню за крестьянами.

Мы коней расседлали, седла на камни положили, чтобы свои попы не отморозить. Сидим, на солнышке греемся, яблоки едим. Хорошо!

Через час приковыляла телега с крестьянами. Телега запряжена здоровенным спокойным волом с метровыми рогами. В телеге – деревянные, окованные по краю железом, лопаты, кирки, корзины, веревки, даже кувалды, на случай, если камень разбить надо. Крестьян – четверо.

Я показала место, угол на стыке двух видов камня. Работники откинули в сторону несколько глыб, вгрызлись в землю. Сначала лопатами копали. Потом, как яма углубилась, один в нее залазит, небольшой киркой ковыряет землю, нагребает ее в корзины, другие на веревке эту землю поднимают и относят в сторону. Когда нижний копатель устает, меняются местами.

Они копают, мы сидим. Метра на три углубились уже. Потом смотрю – в корзинах почва цвет сменила. Была рыжая глина, стала зеленая. Подождала, пока они свою шахту еще немного углубят. Пора, думаю.

Выгнала копателя из узкой норы, идущей вниз с небольшим наклоном. Сама туда спустилась. Лезть не пришлось, меня мужики на веревке опустили. Взяла с собой факел, чтобы осветить.

Смотрю – на границе скалы, кварцевой жилы и зеленой глины какое-то пятно в камне. Я в него кувалдой ка-а-к дала!

Я – девушка сильная. Когда освоилась с навыками ведьмы, в первую очередь сделала свое тело более сильным и выносливым. Потому что магия – это хорошо, но людей, которых спасло от опасности умение быстро бегать, гораздо больше, чем тех, кому помогло колдовство. Вот я и позаботилась, чтобы у меня такое умение было. Потому что жизнь – она такая. Сегодня ты благородная девица, а завтра тебя убить попытаются.

Проломила я кувалдой тонкую каменную перегородку и обнаружила внутри гнездо. Гнездо золотых самородков.

– Есть! Корзину спускайте!

Выломала всё, что блестит, загрузила корзину. Проверила, чтобы в гнезде больше ничего интересного не осталось. Крестьяне корзину наверх подняли, потом и меня.

Стоят все вокруг корзины, глазам не верят.

– Вы чуть спокойнее относитесь, – говорю я им. – Вот это вот, – показываю пальцем на угловатые кристаллы, – вообще не золото, хоть и блестит. А тут половина – это вкрапления камня.

– А вот это – золото? – Фальма уточняет, тыкая в самый крупный самородок, весом килограммов в пять.

– Это – золото. Видишь, кристаллы пирамидками.

– Хорошо быть ведьмой!

– И графией быть тоже неплохо. Поехали? Отцу твоему скажем, что тут можно золото в промышленных масштабах добывать...

Фальма с надеждой глянула:

– А может, еще покопаем?

– Не, такое гнездо может быть только одно. Вокруг него породу тоже надо добывать, но ее придется серьезно перерабатывать, крупные самородки вряд ли там будут.

* * *

В замок приехали поздно, уже темнело. Солдаты вошли, брякнули тяжелую корзину посреди зала. «Куда ее?» – интересуются. А тут как раз граф с графией к ужину вышли, нас увидели.

Подшли, граф пальцем тычет:

– Это что?

– Золотые самородки вперемешку с каменной породой и железной рудой. Нашли. У вас в домене можно золото добывать из кварцевой жилы, потом расскажу где.

Граф сразу слуг кликнул:

– В хранилище!

– Не-не-не! – вмешалась Фальма. – Это золото – наше.

Ее отец покраснел от возмущения:

– Как – ваше? На моей земле найдено!

– Ты, папенька, мне разрешение искать камни давал? Давал! Образцы собирать позволил? Позволил! Так вот, это – образцы! Они – наши!

Граф стал хватать воздух ртом.

– Какие еще образцы? Тут золота на десять тысяч корон!

– Это образцы, и они – наши! А золота тут на пять тысяч примерно, – наша леди по дороге уже прикинула вес драгметалла в корзине, там его килограммов тридцать-сорок, но половина этого веса – порода и примеси.

Тут мать вмешалась:

– Дорогой, пусть девушки побалуется. Они заслужили. А мы с тобой завтра пошлем охрану к тому месту, где они копали, рабочих найдем, и мастера-золотодобытчика найдем...

В общем, золото свое мы отстояли. Теперь надо его обменять на деньги, и мы вполне обеспеченные девушки. Ну как, не то, чтобы богатые, но на платья и заколки деньги найдутся.

И на начало нашего зеркального бизнеса – тоже. Там ведь вложения какие-то потребуются, хоть и не очень большие – печи и сараи построить, место огородить, лошадей купить для транспортировки, людям в первое время платить, пока покупателей не найдем...

* * *

Пока граф занимался суетой вокруг разработки золота, мы продолжили поиск чистого кварца. объездили еще несколько мест. Везде взяли образцы.

Мы как решили? Мы не химики, не геологи, все наши знания о сырье для стекла – то, что я извлекла из нашей подсознательной памяти. Знания там, прямо скажем, неполные. Мы не понимаем, насколько тот или иной камень подходит для наших целей. А потому – будем действовать просто и практично. Наломаем образцов, отвезем их в Академию. В Академии есть своя стекольная мастерская, там когда-то силами студентов и преподавателей делали цветные стекла для витражей главного учебного здания. Вот в этой мастерской, под руководством мастера, мы сварим из всех наших образцов стекла и поглядим, что получится. Тот образец, который даст самое прозрачное стекло и возьмем в работу. Главное – не перепутать, какой из них откуда взят.

В конце каникул слуги загрузили в карету нашу корзину с золотом, подписанные мешки с образцами, сундуки с нашими вещами и... мы уехали в столицу, учиться.

Граф Блуа, когда прощался, насупился, всё никак не мог забыть корзину золота, которую мы ему не отдали. В то же время он был оживлен – все эти дни он с большим азартом занимался организацией золотодобычи на своих землях. Видно было – дело не только в деньгах, человеку интересно. Золото!

Глава 4. Родня

Дорога из Блуа в столицу оказалась ничуть не лучше, чем была дорога из столицы в Блуа. Но и не хуже. Нас долго трясло и качало на ухабах и вот, мы добрались.

Уже стемнело, когда копыта и колеса застучали по мощеной улочке, на которой стоял мой дом, полученный Тригетой (тогда я еще не вселилась в ее тело) от графа Свирского в качестве моральной компенсации за его мерзкое поведение. Хотя если по правде, это была не компенсация. Это была плата за то, что его милость прекратят обгаживать все пролетающие поблизости птицы. Как говорится, у ведьм свои методы.

Улочка была не бедной, но и не тем местом, где селились аристократы. Хорошее место для обеспеченных горожан. Мостовая ровная, без выбоин. Канализационные канавы по обе стороны под стенами домов. Около канав деловито копошатся водяные крысы, выведенные когда-то ради поедания пищевых отходов на улицах городов. Дома кирпичные, стоят тесно, стена к стене, сплошным строем. На обоих концах короткой улочки – фонтаны с бассейнами, откуда можно черпать воду для питья или хозяйственных целей. Задними стенами дома выходят на колодцы небольших закрытых двориков, где обычно бегают стайки мелких детей, а служанки сушат белье. В общем, удобное место для комфортной жизни. Хотя пахнет тут, если честно. Помоями, содержимым ночных горшков, конским навозом и дымом каминов. Летом, очевидно, вонь будет сильнее, а пока – если не принюхиваться, то нормально. Тут почти везде так. В деревне тоже не чище, там плотность населения ниже, зато в каждом дворе выгребные ямы и скот, а по улицам бродят утки и куры. Бродят и гадят. Свиньи хрюкают и гадят. Коровы с выпаса идут и тоже гадят... И кони – телеги тащат и... В общем – в деревне не лучше, единственное – там сверху из окна на тебя прилететь помой не могут. А в городе – случается.

Аристократы на этой улочке не живут, так что громадная дорожная карета, запряженная шестеркой лошадей, тут появляется, скорее всего, за последние лет десять второй раз. Первый – когда я уезжала с Фальмой, второй – когда вернулась.

Наш дормез остановился перед входом в дом.

* * *

Дверца открылась. Кучер откинул лесенку. Я, согнувшись, высунулась в проем и... застыла. Прямо вот так, согнувшись, задом внутри кареты, головой снаружи.

В моем доме происходило что-то странное.

Окна первого этажа ярко освещались свечами. Одно окно оказалось приоткрыто. Через щель доносился мужской голос, козлиным тенором выводящий куплет песни о жене мельника, у которой лошадь часто теряла подкову, потому что у кузнеца были крепкие руки, хорошо подходящие по размеру ладони к нижним и верхним округлостям женщины. Когда тенор добрался до припева, в пение ворвался нечленораздельный рев второго голоса.

В доме явно хозяйничал кто-то. Кто? Удивительный факт, но я этого не знала.

Вообще, я не лавочница какая, я джентри, дворянка. Количество людей, которые могут безнаказанно вломиться в мой дом, не так уж велико. Если учесть, что я ведьма с очень плохой репутацией, – нужно быть просто бессмертным, чтобы захватить мое жилье и горланить там песни. Хотя с другой стороны – я молодая беззащитная девушка, так что... осторожность не помешает.

– Фальма, тут какая-то ерунда происходит, – я слезла всё-таки с подножки на землю и позвала подругу. – Кажется, мне пригодится твоя помощь.

Допустим, кто-то может себе позволить вломиться в дом джентри. Допустим. Но это совсем-совсем не то же самое, что позволить себе вольности с виконтессой. Особенно если виконтессу сопровождает пара дворян с оружием и слуги.

– Ага, – быстро сориентировалась Фальма и стала выбираться из кареты. – Проводите нас, – позвала она охрану.

Те соскочили со своих коней, привязали поводья к карете и заняли место за нашими спинами.

Я поколотила тяжелым кольцом-ручкой в запертую дверь. Мне открыла служанка.

– Ой, госпожа! Вы приехали! А у нас тут...

Служанку отгеснили с прохода. Первым вошел один из дворян, потом Фальма, потом я и второй дворянин.

– Они приехали еще перед Длинной ночью, сказали, отец ваш и жених... – рядом служанка вполголоса пыталась объяснить мне, что тут происходит. – И пьют с тех пор. Сначала по кабакам шлялись, а потом деньги кончились, дома сидят. Всё, что в погребке было, съели, всё вино выпили...

Мы вдвинулись в столовую. Дворяне, Фальма, я, служанка. Виконтесса выступила вперед, я у нее за плечом.

В нос ударила смесь крепких запахов: вина, кислой капусты, чеснока, несвежего мужского пота.

За столом сидело двое мужчин. Первый, немолодой боров с растрепанной бородой и красным лицом, судя по всему был отцом Тригеты. Память тела мне досталась в сильно попорченном состоянии, потому опознала я его неуверенно. Вторым, полный мужчина лет тридцати в купеческой одежде, и вовсе мне незнаком.

– Что тут происходит? – осведомилась Фальма.

– Доченька!! – радостно заорал отец.

Он встал и попытался выйти из-за стола, то ли чтобы задушить меня в объятиях, то ли еще зачем. Крепкий массивный стул с грохотом упал. Отец качнулся и передумал идти ко мне, только руки растопырил, призывая меня самостоятельно броситься ему на грудь.

Я осталась на месте, представила спутницу:

– Это виконтесса Фальма из рода Блуа. Это мой отец, джентри Болш. И я тоже хотела бы знать, что происходит.

– Доченька! Я тебе жениха нашел! Это, – он махнул в сторону собутыльника. – Фобик, купец. Он как узнал, что мы за тобой в приданое дом в столице даем, сразу тебя полюбил!

– Что?? – остолбенела я.

– И не перечь отцу!! – проревел он.

В моей голове забегали мысли. Вообще вот такая вот женитьба вполне могла стать унылой реальностью. Он мой отец, я под его опекой, он вправе принимать любые решения за меня...

– Минуточку, – спокойный голос Фальмы остановил это безумие.

Девушка стала неторопливо ходить по комнате из угла в угол и негромко говорить:

– Во-первых, этот дом никак не может быть приданым Тригеты. Я сама покровительствовала заключению сделки и уверена, что он является ее личным имуществом. Приданое же – это часть имущества рода, которую родители передают девушке в момент заключения брака, чтобы позаботиться о достойной жизни дочери и ее будущих детей. Оно аналогично доле, которую выделяют ненаследным сыновьям при их совершеннолетию. Таким образом, дом, как и другое личное имущество Тригеты, будет принадлежать ей вне зависимости от брака, а господину Болшу придется выделить ей приданое из собственного имущества. Размер приданого при этом должен быть соразмерен имуществу рода, учитывать наличие других детей и тот факт, что дочери не смогут в будущем пользоваться имуществом рода и претендовать на основное наследство родителей.

Отец, услышав, что попытка выглядеть щедрым за мой счет не прокатит, нахмурился. Но перечить не стал, игнорировать мнение леди графского рода – это для простого джентри

не самая лучшая идея. Хотя, формально, наше имение находится не на землях Блуа, граф нам никто, не синьор и даже не синьор нашего синьора. Но никто-аристократ – это гораздо больше, чем просто никто.

– Далее. Тригета сейчас обучается в Магической академии, она обязана окончить минимальный курс и до его окончания не может быть выдана замуж.

– Так через полгода курс закончится... – вяло попытался возразить отец. – А помолвить можно и сейчас.

– Тригета намерена продолжать обучение и получить полный пятилетний курс, более того, это обучение уже оплачено, – кажется, об этой подробности я родителям сообщить забыла. Не до них было как-то. – И вы не можете запретить дочери продолжать образование, если уж она самостоятельно обеспечила себе такую возможность. На время обучения она имеет статус временно выделенной из рода и обладает правом принимать такие решения в пределах своих личных имущественных возможностей.

Отец удивился. Стоял, хватал воздух ртом. Ну да – стоимость обучения за пять лет – огромные по его меркам деньги. Которые откуда-то возникли и прошли мимо его кармана.

К тому же после полного курса обучения у меня появится собственный титул, статус джентри, собственная, а не родовая, фамилия. И я стану полностью дееспособной, так что решение о браке, как и любые другие решения, отец за меня принимать не сможет.

– А ты, жених, – продолжила Фальма. – Знаешь ли ты, что твоя предполагаемая невеста – ведьма? Как ты считаешь, каковы твои шансы дожить до старости или хотя бы до первой брачной ночи? У тебя, купец, кстати, много наследников? Ты богат?

Теперь воздух хватал ртом и купец, который приехал в надежде вместе с благородной невестой получить помещение под лавку в столице, а не вот это вот всё.

Я уже пришла в себя. Похоже, всё не так плохо, как показалось мне в момент первой паники. Теперь уже я решила поиздеваться над родителем:

– Папенька, послезавтра начинаются занятия в Академии, я переберусь в общежитие и не смогу составлять вам общество. К тому же я не сумею достойно содержать вас в столице. Видимо, вам придется вернуться домой. И предполагаемому жениху – тоже. Вы ведь не допустите, чтобы под моей крышей жил посторонний мне мужчина?

– Да-да, – подхватила Фальма. – Думаю, завтра вам пора уезжать. А пока я приглашаю Тригету погостить у меня. Неприлично ей оставаться в доме с предполагаемым женихом, который сгорает от страсти. Как бы чего не вышло.

* * *

Отец попытался возразить, убедить нас, что он действует из лучших побуждений. Мы не спорили. Зачем? Мы просто продолжали действовать, как решили, – я поехала ночевать к Фальме, а отцу еще раз напомнили, что ему завтра пора уезжать.

«И так достаточно погостили», – с этими словами виконтесса сморщила носик и окинула взглядом грязную посуду и объедки на столе. Вес нашим словам добавлял статус моей подруги и ее вооруженные дворяне за спиной.

Мы уехали и спокойно переночевали в особняке Блуа.

К обеду я вернулась в свой дом. Отец с женихом уже привели из общественной конюшни лошадей и грузили на них поклажу. В трезвом состоянии они выглядели вполне симпатичными людьми. Не настолько симпатичными, чтобы я захотела замуж, но всё же...

– Скажите маме, что у меня всё хорошо, – попросила я отца. – Пусть не беспокоится. Приехать я не смогу, на следующих каникулах много дел будет.

Хотя я мало помнила мать Тригеты, но почему бы не передать ей весточку? От меня не будет.

– Скажу. До нас всякие неприятные слухи дошли. А твои письма еще больше волнения нагнали. Потому я и стал жениха тебе срочно искать. Ты не думай, мы добра тебе желаем.

– Я верю. Просто теперь я сама хочу решать, что для меня добро.

Глава 5. Хозяйственные хлопоты

Я помахала ручкой спине своего родителя, уезжающего по грязной улице под серым небом. Папенька не обернулся даже, так и уехал. Видно, похмелье его сильно мучило, не до долгих прощаний было. Его слуге, стареющему оруженосцу, который сопровождал его в этой поездке, я приказала передать моей матери, что у меня всё хорошо и беспокоиться обо мне не следует. Слуга точно не забудет и не исковеркает мои слова. Насчет папеньки – я в этом не уверена, уж очень он выглядел уставшим после многодневного пьянства.

Прошлась по дому. Оценила, какие помещения загажены, а какие нет. Моя спальня оказалась нетронутой. Гости спали на сундуках и тюфяках в гостиной. Я распахнула окна здесь и в столовой – надо срочно избавляться от запахов вина, перегара, прокисшей пищи и... в общем от всех органических запахов, которые остались после гостей.

Пока я бродила по дому, оценивая ущерб, служанка успела сбегать на рынок. Вошла в дверь с большой корзиной. Там под крышкой что-то шебуршилось. Я изобразила вопрошающее выражение лица. Она поняла и сразу объяснила:

– Пару кур купила. Гости-то всё мясо съели из ларя.

Ларь для хранения у меня в доме замечательный. На нем висит амулет, сделанный некромантом, у одного старшекурсника по дешевке взяла. Амулет убивает всё живое, в том числе гниль, плесень, насекомых. Но при этом оставляет структуру мяса и молока неповрежденной, а зелень, фрукты и овощи и вовсе остаются живыми. Правда, этот амулет не защищает от высыхания и увядания, поэтому ларь стоит в погребе, где прохладно и влажно. Еще в нем нельзя долго хранить масло и сало – прогоркает, разве что в соленой воде держать... Теперь этот ларь почти пуст. Мужчины, что с них возьмешь...

Пока я от скуки наблюдала за служанкой, она приоткрыла крышку корзины, поймала и извлекла из нее тощую курицу пегого окраса. Птица билась в ее руках, но быстро притихла.

– Слушай, она какая-то больная, – поморщилась я.

У курицы на макушке, шее и, особенно, на спине были выщипаны перья. На крестце вокруг основания хвоста располагалось уродливое большое пятно голой розовой кожи. Еще и птица мелкая какая-то. По сравнению с теми курами, которых я у родителей дома видела, это какая-то несчастная Золушка, которой не досталось ни куриной феи, ни петуха-принца.

– Та не, то просто курятник маленький был, курам тесно, и они дрались, щипали друг друга. Она тощая, жилистая, но то ничего, зато холодец из нее хороший будет.

Молодка-служанка привычным движением свернула птице голову, подождала, пока та прекратит бить крыльями и лапами, потом облила тушку кипятком и стала быстро ощипывать. Лапы трупика еще подергивались, но уже без энтузиазма.

– Слушай, а гости тебя не обижали, пока меня не было?

Моя служанка уже не девочка, молодка бальзаковского возраста, около тридцати, довольно пышная. Могла привлечь внимание.

– Та не. Ваш отец, он больше по вину. Так, за зад ущипнуть только может, а что дальше делать – и не помнит. А жених боялся руки распускать.

– А оруженосец отца?

– А с ним у нас все ладненько вышло. Он добрый и не жадный, хоть и не господин.

Курица, жареная, с печеной репой на гарнир, оказалась превосходна. Бульон из костистых частей, сдобренный крупой и соленой листовой капустой, и вовсе получился выше всяких похвал. Вкусно. Хотя, конечно, помидоров и картошки мне в этом мире не хватает. Их уже привезли из дальних стран, я узнавала, но выращивать массово еще не начали.

Остаток дня я перебирала вещи. Что-то надо было отдать в стирку после поездки в графство Блуа, что-то – подготовить для Академии. Вроде мелочь, а весь вечер на это ушел.

* * *

Утром за мной заехала Фальма. Как раз рассвело. Мы спокойно успели доехать до Академии, там разгрузить вещи в наши комнаты общежития. Слуги виконтессы перетащили сундуки. Корзину с золотом и мешочки с образцами оставили в покоех у Фальмы, там надежнее.

Мы еще успели привести себя в порядок и позавтракать в столовой.

Коридоры академии шумели. То тут, то там собирались группки парней и девушек. Студенты соскучились по общению, многие казались неестественно оживленными.

На лекциях студенты больше думали не об учебе, а о том, как бы посплетничать с друзьями, поделиться новостями, похвастаться, как провели каникулы. Мне вся эта нездоровая суета казалась утомительной и ненужной. Преподаватели понимали, что внимание учеников захватить сейчас не удастся, они ограничивались обзорным материалом, который не требовал напряжения мозгов.

Я сидела за партой и мне не терпелось. Вот бы поскорее встретить Пумеса и договориться с ним о сотрудничестве. Или с магистром Нелесом. Или образцы кварца отнести в стеклодувную мастерскую и проверить, какие получатся из них стекла. Или золото выплавить из наших самородков и очистить ... Столько дел!

Наконец наступил обед.

Я готова была бежать в столовую вприпрыжку, но... Фальма еле шла и выглядела измученной.

– Что такое?

– У меня началось... – поморщилась она.

– ?

– Женские дни. Должны быть позже, наверное, из-за поездки растрясло, сместились.

– И?

– А я амulet дома оставила. Больно – ужас! Если так пойдет, сейчас в обморок хлопнусь. У меня на Земле такое было, тоже жутко страдала, пока парень не появился.

Переговаривались мы шепотом, остальная свита Фальмы держалась на расстоянии.

– Давай, я тебя обезболю, – предложила я. – Ведьма я или кто?

– Давай, – страдальчески скривилась Фальма. – Главное, побочного эффекта в виде поноса не устрой.

– Лишь бы не остановку сердца, – отшутилась я.

Мы попрощались с сопровождающими, отошли в сторону, спрятались в альков. Фальма обессиленно прислонилась к стене. Судя по выражению ее лица, если бы не толстый слой белил на коже, она была бы сейчас бледно-зеленой.

Я вошла в состояние ясности ума. Покопалась в подсознательной памяти. Боль можно устранить разными способами. Можно заблокировать болевые рецепторы или нервные каналы. Но это не всегда правильно, а иногда даже вредно. В нашем случае, вроде бы, чтобы не болело, надо снять спазмы.

Ну, я и сняла. При этом представила себе перед глазами анатомическую картинку с изображением матки. Это чтобы не промахнуться, не прихватить воздействием какой-нибудь соседний орган. А то действительно, устрою леди понос... Наличие в подсознании вот таких вот анатомических картинок на все случаи жизни оказалось моим неоспоримым преимуществом перед местными ведьмами.

Всё получилось. Боль ушла. Фальма больше не пыталась упасть.

– Помоги дойти до покоев, – вздохнула она. – Придется мне остаток сегодняшнего дня и завтрашний полежать.

Мы доковыляли до общежития, в покоех я сдала болезную подругу ее служанке.

Фальма позволила снять с себя верхнюю одежду и с облегчением разлеглась на кровати. Служанка засуетилась в поисках чистых тряпиц.

– И что теперь? Всё откладывать? – расстроилась я.

– Почему это? Со своим некромантом ты можешь поговорить и без меня.

– Кто из них мой? Студент или магистр?

– Оба. Но сейчас нам нужен студент. С магистром разговаривать рано. И в мастерские тоже сама можешь сходить.

– Там не станут слушать меня. Авторитета не хватит.

– Ссылайся на меня. Говори всем: «Я тут токмо волею пославшей меня леди Фальмы Блуа. Дабы усладить минуты болезни её, решила я обеспокоить вас...».

– Не издевайся.

– Я и не издеваюсь. Я тебе денег выдам, сколько скажешь. Примерные расценки на подкуп мастеров подскажу. Что нам нужно, ты знаешь.

Ждать, пока Фальма встанет на ноги, мне не хотелось. Пришлось действовать самостоятельно. Было немного страшновато, но... очень уж не терпелось побыстрее получить результат и проверить, реалистичны ли наши замыслы.

* * *

Мастерские находятся на обширном заднем дворе. Там же стоят каретные сараи и конюшня, склад всякой всячины, колодец, сеновал, обширный дровяной навес и прочие хозяйственные постройки.

Опознать, какая мастерская чем занимается, оказалось несложно.

В кузнице звенят сдвоенные удары молотков. Сначала тихий «Звяк?» молотка мастера, потом «Бам!» кувалды молотобойца. И так постоянно, с одним ритмом: «Звяк? – Бам! – Звяк? – Бам!». У кузницы установлена коновязь – чтобы удобнее было подковывать лошадей.

Перед столярной мастерской под навесом лежат аккуратные штабеля досок. Может, ждут своей очереди, а может, сушатся для использования в следующем году.

Перед гончарной – куча рыжей глины и стоят готовые ночные вазы и миски для умывания, невзрачные, но практичные. Почему именно они? Это самая массовая керамическая утварь в быту студентов. Еще посуду для столовой в этой мастерской делают, всякие миски и плошки.

У дверей швейной висит вывеска с нарисованными ножницами. В ней занимаются простыми вещами – простыни для общежития подрубают, шторы в комнаты и кабинеты. Могут за небольшую плату одежду пошить или починить. Единой формы одежды у студентов нет, но мастерская поставила на поток шитье дешевых и практичных однотипных камзолов, платьев и чулок, половина студентов в таких ходит.

Стекольная мастерская стоит с закрытой дверью, что она работает, выдает только дымок из трубы.

Я стукнула для приличия в дверь и вошла.

Внутри мастерская представляла из себя большой зал со стенами из неоштукатуренного кирпича. Вдоль стен – стеллажи и сундуки, большие короба с мешками песка, извести, золы, корзины с древесным углем.

В центре зала – печь высотой по пояс. На верхней ее плоскости – раскаленная чугунная плита, в нее вмонтирован тигель, рядом лежит плоская пластина, с виду – медная, за ней – открытое жерло, из которого выбиваются языки пламени. Над плитой сделана широкая вытяжка, кирпичная, опирающаяся углами на столбы.

Под стеной сделана еще одна печь. У нее высокий свод, а сбоку – широкое окно, закрытое крышкой. Через такое окно удобно ставить внутрь и вытаскивать изделия или глиняные горшки с шихтой для выплавки стекла.

У плиты с тиглем – широкоплечий мастер. Когда я вошла, он как раз сунул в тигель метровую железную трубку, повертел там ее концом, вытаскил – на конце прилипла густая масса расплавленного стекла. Вязкая капля светилась красным цветом в полутьме мастерской.

Не обращая на меня внимания, мастер поднес конец трубки ко рту и сильно дунул в нее. Из стеклянной массы на другом конце вздулся круглый пузырь. Еще пара мощных выдохов, и его размер удовлетворил мастера. Он быстро вертел трубку, чтобы пузырь не потерял форму, пока окружающий воздух его остужает. Когда цвет свечения пузыря изменился до глубокого красного, стеклодув решил, что масса достаточно загустела, положил ее на медную пластину, быстрыми уверенными движениями покатав по ней, превращая шар в цилиндр. Потом поставил на дно, выравнивая его. Окинул полученный цилиндр опытным взглядом. Подогрел трубку над жерлом с пламенем, когда стекло около нее опять засветилось ярко, мягким движением вытянул верх заготовки в удлиненное горлышко. В конце работы острым резакотом отделил застывающее стеклянное горлышко от трубки и подравнял его края. Получилась вполне пристойная бутылка объемом где-то на четверть ведра. Последний критический взгляд – и мастер ставит ее на полку.

Поворачивается ко мне:

– Слушаю.

Вообще, ведет он себя нагло. Он – мастер, а я – джентри. Мог бы и больше уважения проявить. Правда, есть нюанс – я студентка, а он работник Академии. Это повышает его статус относительно меня. Конечно, это не делает его благородным, но по факту, пока мы в Академии, мастер, библиотекарь или кастелянша примерно равны по положению студенту-джентри, а магистры или сотрудники-дворяне имеют более высокий статус.

– Уважаемый, меня прислала виконтесса Фальма Блуа, – повышаю я ставки. – Договориться о выплавке нескольких образцов стекла. У нас есть пробы кварца, надо проверить, что из них получится.

– Никак невозможно, – буркнул мастер. – Я весь день занят, от рассвета и до заката. Алхимическая лаборатория заказала множество колб и бутылок, работаю с утра и до вечера.

– А если мы оплатим твой труд? – попыталась я найти вариант.

– Нет, госпожа. Времени нет. Совсем нет.

Разбаловались они тут. Уже и деньги им не нужны...

Я наморщила лоб и попыталась придумать выход. Где-то глубоко внутри во мне живет уверенность, что если хорошо наморщить лоб, выход всегда найдется. Такая вот я оптимистка. Я считаю, что человек, для которого даже смерть не стала концом, может позволить себе быть оптимистом.

Пока я задумалась, мастер снова сунул трубку в расплав, подцепил там очередную порцию вязкого стекла и начал выдувать новую бутылку. Когда он оторвал трубку ото рта, чтобы мог говорить, я уточнила:

– А если мы найдем другого работника? Нам выдувать ничего не надо, только выплавить стекло и остудить.

– Не получится. Плавильная печь занята весь день, в ней или тигель с моим расплавом греется, или готовые изделия отжигаются.

Я обхватила себя руками и походила по залу. Если наморщивание лба не помогает придумать выход, надо походить. Тогда придумается. Или нет.

Подошла к новенькой бутылке. Она была еще горячей, воздух над ней тёк, как летом над нагретым асфальтом. Рядом на полке стояли похожие сосуды. Они оказались не совсем одинаковыми, но алхимикам этого и не требовалось, судя по всему. А так – нормальные колбы и бутылки из мутного коричневого стекла. Некоторые чуть кривоваты, но в целом – использовать можно.

– Не дотрагивайтесь! – заволновался мастер. – Их еще отжигать нужно, чтобы снять напряжения. Сейчас они могут рассыпаться от любого прикосновения.

Я испуганно отшатнулась от коварных бутылок.

Мне пришло в голову подключить свою ведьмовскую интуицию. Я ввела себя в состояние ясности ума, тут новая идея и проклюнулась:

– Ты сказал, печь занята весь день. А ночью?

Мастер удивленно посмотрел:

– Так ночью же темно для работы.

– Так нам же выдувать изделие не надо. Разве что на пластине разровнять расплав. Это и при свечах можно.

Стеклодув почесал за ухом. Пожал плечами. Но всё же отказал:

– Не пушу я в свою мастерскую кого попало. Вдруг испортите инструмент или тигель?

– А если мы оплатим аренду мастерской? Сколько будет стоить поработать в ней одну ночь? Мы еще и сырье у вас купим, известняк и соду.

– А если печь испортите?

– Если что-то испортим – всё испорченное компенсируем деньгами.

В общем, соблазнила я мастера. Деньгами соблазнила. Теперь осталось придумать, где взять работника, который будет готов по ночам плавить для нас стекло. Кое-какая идея на этот счет у меня имелась.

Я уточнила практические вопросы, походила по мастерской, оценивая, удобно ли тут будет работать. Выяснила всё и убежала в столовую. Перерыв длинный, но до следующей лекции осталось не так уж много времени.

* * *

«Это я удачно зашла!» – поняла я, увидев в столовой Пумеса.

– Джентри Рит, – сразу подошла я к нему, – мы могли бы переговорить наедине?

Пумес сидел вместе с людьми виконта Хорна. Парни из свиты сразу оживились и уставились на меня. Видно, подумали о романтических поводах для разговора.

– Не о чем нам с вами разговаривать, – пряча глаза заявил некромант.

Я взбесилась. Хотела высказать ему своё «Фу!» на такое поведение. Потом сообразила – он, пес этакий, боится замарать себя перед лицом товарищей разговором с девицей, потерявшей репутацию. При этом формально, я свою репутацию восстановила, потому что все мои обидчики бесповоротно мертвы. Значит, прямо мне сказать: «Уйди, развратница» никто не посмеет, но и общаться бояться. Как только я это поняла, поняла и то, что скандалом делу не поможешь. Пришлось повторить удачный прием, уже проверенный на стеклодуве, и сослаться на Фальму:

– Я пришла по воле леди Фальмы Блуа и должна обсудить с вами деловой вопрос. Вы ведь найдете возможность обсудить предложение леди?

Тут Пумесу стало нечем возразить. Он поднялся. Я уже совсем было утащила его в угол, за пустой стол, но меня остановил виконт Хорн:

– Джентри, а где сама леди Блуа? Я бы хотел поговорить с ней.

– У нее недомогание. Сегодня и завтра она не сможет вас принять.

Виконт помялся, потом негромко уточнил:

– Вы знаете, что решили ее родители насчет нашего брака?

Я знала, но сказать об этом должна сама Фальма. Иначе крайне невежливо получится, если жениху через подругу передадут, что невесту ему заменили на сестру.

– Я не уполномочена обсуждать эту тему, – честно сказала я.

Виконт насторожился. Ничего, придется ему поволноваться пару дней.

* * *

Я уселась и стала нагребать себе на тарелку пищу. Проголодалась я.

– О чем вы хотели говорить, джентри? – хмуро спросил Пумес.

Его явное пренебрежение меня достало.

– Джентри Рит, вам корона на уши не давит? Лицо попроще сделайте. Я вам, вообще-то работу хочу предложить. И если у нас всё получится, то после окончания вашей учебы в Академии виконтесса предложит вам постоянное место.

Я оценила содержимое своей тарелки, поколебалась мгновение, добавила еще кусок запеченного мяса. Чтобы не томить парня, стала есть и рассказывать одновременно.

– Нам прямо сейчас, буквально уже сегодня-завтра, нужен одушевленный конструкт. Этот конструкт должен быть в состоянии выполнять простую работу. Поддерживать горение в печи, засыпать в тигель компоненты, ставить тигель в печь и доставать его оттуда, выливать расплав в форму. Желательно, чтобы он умел читать и считать, ну или хотя бы был достаточно сообразительным, чтобы правильно отмерить нужное количества веществ. В идеале нам нужен мастер-стекловар, если вы сможете найти душу с соответствующими знаниями, мы будем очень рады и заплатим дороже.

– Но почему вы обратились ко мне?

– Потому что вы создавали конструкт, который применялся в дуэли с Вивьеном из Флеко. Если отбросить совершенно излишнюю для нас броню, нам нужно что-то похожее.

Некромант возмутился:

– Вы совершенно превратно поняли мою идею! Я занят созданием боевых конструктов, а вам... вам какой-то обычный раб нужен!

– Не обычный, а сообразительный. Да, нам нужен раб для простой работы. Потом потребуются рабы для работ, требующих профессиональных умений. Много рабов. И за всех мы готовы платить.

Пумес растерялся. Почему-то идея заставить скелет, одушевленный призраком, выполнять обычную работу, а не воевать, его шокировала.

– Но это же... это принижение высокого искусства некромантии! Почему бы вам просто не купить живого раба?

Я вздохнула.

– Пумес. Тебе деньги нужны? Работа тебе после окончания Академии нужна?

Парень кивнул. Ну слава Судьбе! Здравый смысл у него таки проснулся.

– Если нужны, тогда ты должен делать то, за что тебе будут платить. А платить мы готовы за конструкты, которые будут работать. Возможно, потом и конструкты-охранники потребуются, но это не главное. Главное – мастера и подмастерья. Прямо сейчас нам нужен первый работник. Готов ли ты его сделать, сколько времени это потребует и сколько будет стоить?

Как всегда у творческих личностей, когда речь зашла о практическом применении их идей, оказалось, что сроки неопределенны, а цена завышена. Мы поспорили.

– Но откуда я возьму прочный скелет так быстро? – возмутился некромант. – Старые кости – хрупкие. Он не сможет работать, руки поломаются под весом ноши!

– Пумес, а почему бы тебе не укрепить кости стальным прутком и проволокой? Ты можешь оставить только суставы, а между ними вставить железо. А суставы можно укрепить, пропитав кости клеем.

Я обдумывала этот вопрос, потому и смогла сразу привести этот аргумент.

Услышав об укреплении костей и суставов, Пумес завис. Сунул в прическу пальцы, уставился в столешницу и в таком положении надолго замер. Я решила, что это хороший признак и, пока он мыслил, стала быстро поглощать содержимое своей тарелки.

– Мы тебе даем не только деньги и работу, а еще и возможность потренироваться и опробовать новые методы и подходы, – сделала я контрольный выстрел. – С очень большими перспективами в будущем.

– Я согласен, – отмер Пумес. – А платить сколько будете?

Мы немножко поторговались, но это было уже не принципиально. Деньги у нас есть, да и аппетит у Пумеса небольшой, парень он не разбалованный большими деньгами.

* * *

На послеобеденных занятиях я была довольна собой и гордилась тем, какая я умница и красавица. А потом мне пришла в голову еще одна идея. Я поняла, что могу совместить работу со стеклом и с золотом. Наша корзина с золотом, она же никуда не делась. Стоит, ждет своего часа. Золото стучится в мое сердце и просит быстрее его очистить и переплавить.

Но тут есть риск. Отдать его какому-нибудь ювелиру? Можно. Только какие гарантии, что мы не потеряем половину металла? Человек слаб, соблазн велик. Потом ведь ничего не докажешь. Тем более, существующие в этом мире технологии выделения золота из породы имеют очень высокий уровень потерь. По сути, тут умеют дробить камни, чтобы отделить мелкие прожилки металла от породы, и потом полученный золотой песок отделять от легких фракций промыванием. Вот как на Земле золотоискатели когда-то делали – в лотках или наклонных желобах обычной водой мыли песок, пока на дне не останется одно золото. Понятно, что содержание металла в таком песке далеко от ста процентов. Существуют какие-то древние технологии очистки, но мы их не знаем.

Вот мы и решили – золото из наших самородков добывать будем сами.

Покопавшись на каникулах в подсознательной памяти Даши-Фальмы (которая в земной жизни имела образование химика-технолога) мы обнаружили там технологию получения чистого золота из жильных месторождений. Теоретически, в ней нет ничего сложного. И она вполне доступна на том уровне технологий, который есть в этом мире. Если упрощенно, то сначала смесь породы и металла растворяется в соляной кислоте, это удаляет примеси соединений железа и прочих активных металлов. Потом осадок растворяется в «царской водке», смеси азотной и серной кислот, золото переходит в раствор, а песок остается. Остается слить раствор и выпарить из него золото. Просто? Но, как всегда, на практике есть нюансы.

Первая порция нюансов – техническая.

Мелкие жилки металлов пронизывают каменную породу. Чтобы кислота до них добралась, камень надо измельчить. Чтобы его измельчить, его надо прокалить, тогда он потеряет прочность. После прокаливания камни толкутся в ступе или перемалываются в мельнице.

Дальше вступает в дело кислота. Иногда на Земле я читала или смотрела в детективах, как технически продвинутые воры льют кислоту на замок, она растворяет металл и... сейф или решетка открыты. На самом деле это полная чушь. Твердые вещества, особенно такие плотные, как металл, реагируют с жидкостями очень медленно. Чтобы при комнатной температуре в кислоте растворился тонкий железный гвоздь, требуется несколько дней. Ускорить реакцию можно, необходимо кислоту подогреть. При этом она жутко, просто жутко, воняет, выделяет пузырьки взрывоопасного водорода, а азотная кислота и вовсе выделяет коричневый дым, опасный для дыхания. Потом раствор золота в кислоте еще и выпаривать придется. Это еще больше воняет и дыма. То есть для этих процедур, довольно долгих, необходимо помещение с печью и хорошей вытяжкой. И, желательно, без присутствия живых людей.

И, наконец, плавление. Золото плавится при высокой температуре. В обычной дровяной печи его не сделаешь. А значит, кроме обычной печи для выпаривания кислот, нам нужна еще высокотемпературная печь для плавки.

Эти печи, как и вытяжка, как и помещение, где нам не будут докучать свидетели, имеется в – та-дам! – стеклодувной мастерской! Температура плавления стекла не сильно отличается от температуры плавления золота. Так что при наличии рабочей силы все эти проблемы мы решить сможем. В мастерской даже шаровая мельница есть – тут после выплавки стекла стекольную массу дробят, перемалывают, и уже потом, по мере необходимости, этот порошок опять плавят и используют для выдувания изделий. Зачем так сложно – не знаю, но мастерам виднее.

Но кроме технических проблем есть еще проблемы... химические.

Азотную, серную и соляную кислоту алхимики тут уже знают, и давно. Умеют делать. И даже «царскую водку» в небольших количествах делать умеют, хотя далеко не везде. Это знание доступно немногим алхимикам мирового уровня, и тем, кто достаточно богат, чтобы купить их трактаты. Таких немного – ведь каждая книга стоит сотни золотых. Но и тут есть одна проблемка. Кислоты здесь делают не концентрированные, пользуются их водными растворами. И делают их в таких количествах, что по нашим потребностям не хватит. У нас корзина золота для переработки. Корзина. Большая. Вместе с породой – килограммов тридцать. Для обработки такой массы сырья нужны сотни литров кислот.

После занятий я сходила в алхимическую лабораторию, узнала, можем ли мы купить такое количество, хотя бы разбавленных, кислот. На меня алхимик посмотрел, как на идиотку. Не, ну правда. Я спрашиваю, а он смотрит так сочувственно: «Девушка совсем дурочка. Разве бывает в одном месте столько кислоты? Зачем? Для очистки ее жалких драгоценностей от налета достаточно маленького пузырька!».

Так что выделить золото из нашей добычи тоже непросто. Можно, конечно, отломить кусок самородка и продать. Тут во всех ювелирных изделиях чистота золота более-менее соответствует самородному. Но если мы хотим без потерь выделить всё, что есть в нашей породе, – придется нам самим производить кислоты. Для этого нужно сырье. Оно простое. Сода, зола, селитра, квасцы, купорос... И что примечательно – большая часть этих веществ в товарных количествах используется при выплавке стекол или при обработке кож. Мы можем их купить через стеклодува, и никто не удивится, а значит – ни у кого не возникнет вопросов.

В общем, куда ни посмотри, мастер-стеклодув вместе с его мастерской нам нужен позарез.

А пока я составляла список, что нам для выплавки золота потребуется. Тигли, большие стеклянные стаканы, фильтры, емкости для хранения кислот... Мастер будет в шоке, когда через некоторое время увидит, во что мы превращаем его мастерскую. А куда деваться?

Глава 6. Первые дни учебы

С утра перед завтраком я забежала к Фальме. Виконтесса уже изволила проснуться. Она лежала на кровати под балдахинном (в спальнях покоев для высокородных именно такие стоят, вот у меня в комнате – обычная кровать, и по ширине намного меньше). Девушка была в ночной рубашке. Служанка напихала ей под спину подушек, чтоб было удобней. На коленях, прикрытых одеялом, лежал небольшой манускрипт.

– Вот, послушай, – подняла она на меня глаза, в которых стояли слезы. И стала декламировать:

– Мы с тобой почти разминулись,
Заблудились в тенетах улиц,
Испугавшись неидеальности
Извозили себя в липкой лжи.
В этой мутной больной реальности
Затерявшись под слоем банальностей
Превращаемся в миражи.

– Это Гинетта Поколская? – узнала я стиль скандальной поэтессы, которая писала о тяжелой женской доле душевно неудовлетворенных высокородных леди.

– Угу. Здорово же?

– Подруга, у тебя всё в порядке?

Фальма неожиданно шмыгнула носом, всхлипнула и скривилась, как будто собираясь заплакать. Впрочем, быстро взяла себя в руки, тут же взяла в руки тряпицу, на которой она собственноручно вышила по углам цветочки и обметала края, и шумно высморкалась. Да, мы изобрели носовые платки, сморкаться в рукава нижней рубашки, как тут принято, нам показалось крайне неудобно. Рукоделием сопровождается заметная часть досуга девушек и женщин, так что вышить десяток носовых платков для нас вообще не проблема.

– Устала я, – пожаловалась Фальма уже нормальным голосом. – И еще виконту Хорну надо что-то говорить по поводу нашего несостоявшегося брака...

– Ты что, любишь его?

– Не то чтобы, – передернула плечами. – Но он парень хороший, если бы попробовала узнать его ближе – может и полюбила бы. Так нельзя же...

Я села рядом, прижала ее голову к своей груди:

– Ну чего раскисла, подруга? Будут у тебя еще женихи...

– И что? Мне и потом замуж выходить нельзя будет. Тебе проще, достаточно с маскировочным амулетом не расставаться.

Тут уже я вздохнула:

– Да и мне не так чтобы просто. Представь – выйти замуж за кого-то и потом всю жизнь скрывать, что я из другого мира. И от мужа скрывать, и от детей. Ничего. Придумаем что-нибудь.

Мы помолчали, обнявшись. Первой встрепенулась Фальма:

– Смотри, что я себе вчера сшила!

Она вытащила из корзинки для рукоделья, которая стояла рядом на кровати, нечто. Нечто состояло из ленты с крючками на концах и пришитого к ней широким концом треугольника, у которого на узком конце тоже был крючок.

– Трусые женские, модель номер семь? – угадала я.

– Ага.

Первые шесть моделей мы уже испытали и отвергли. Проблема в том, что у нас не было резинок. А на завязочках или пуговках... если приспичит, то добраться до пояса под длинными

юбками сложно, тем более, юбки многослойные – верхнее платье, зимой заменяющее пальто, нижнее платье, нательная рубашка. Так что белье под подолами снять еще как-то можно, а вот одеть без помощи служанки потом на место – вообще никак. Ну и вот... экспериментируем.

А вот с верхом у нас почти сразу получилось, как ни странно. С китовым усом мы не заморачивались, тут его еще не додумались использовать в галантерейных изделиях, китов не убивают, и в продаже его нет. Наш вариант белья выглядит, как широкая полотняная полоса, которая застегивается на спине на крючках. К ней пришиты мягкие чашечки, верхний конец которых пристегивается к широким бретелям. И вся эта конструкция... носится поверх нижней рубашки. Получилось удобно – не давит, не мешает, грудь поддерживает.

Я скептически рассмотрела концептуальную модель трусов.

– А знаешь, может получится, – выдала вердикт.

Потом вспомнила:

– У нас сегодня будет специализация. У меня начинаются «Научное ведьмовство» и «Лекарство», у тебя – «Принципы работы со стихиями» и «Рунные схемы земли». Конспекты тебе не у кого брать будет.

Еще одна практическая проблема – тут никто, кроме нас, не ведет конспектов. Все просто запоминают, что говорит профессор, какие-то вещи потом по книгам учат. Иногда на память заучивают целые страницы текста. У нас с Фальмой так не получается. Привыкли какие-то подпорки для памяти оставлять – конспекты, схемы, шпаргалки. Наш способ вроде лучше работает, но вся методика обучения в Академии построена именно на запоминании текстов.

Фальма отмахнулась. Говорит, по книгам как-нибудь выучит, одна пропущенная лекция – не смертельно. Некоторые студенты вообще по месяцам пропадают, и ничего.

Говорить с подругой о делах сейчас было бесполезно. Не в том она была настроении, лежала вся такая волшебная. То ли гормоны, то ли накопившаяся психологическая усталость так повлияла.

Тяжело это – быть в чужом мире. Вот вроде уже привыкли, а потом чувствуешь – опять тяжело. И, главное, никогда не знаешь заранее, когда окружающий мир тебя в очередной раз хлестнет по нервам. Вот едешь по дороге, никого не трогаешь. Выглядываешь в окошко кареты – а на дереве несвежий труп висит. Или идешь по городу – а на улице кого-то убивают. Ты по этой улице двадцать раз ходила, всё нормально было. А на двадцать первый – или торговцы воришку поймали и ногами его пинают, или благородный кинжалом в лицо ремесленнику тычет, оскорбившись за что-то. Потом, глянешь в городе по сторонам – среди бедняков увечных много, больных, голодающие есть, бездомные. Старики, женщины, дети... детей особенно много.

Так что вот это вот всё постоянно давит на психику. Я, как ведьма, могу свое состояние регулировать. А Фальма – как бы в депрессию не свалилась. Боюсь я за нее, приглядываю.

В общем, я в гости зашла, пообщалась, убедилась, что настроении у подружки поднялось, и убежала на лекции.

* * *

«Научное ведьмовство» я ждала с предвкушением. Раньше я по наитию колдовала, как с древности ведьмы делали. А теперь мне научный подход к этому делу дадут. Здорово же!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.